

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Русско-литовская партія въ Польшѣ 1574—
1576 года.

Русско-византійскіе отрывки

Сношенія Россіи съ Европейскими держа-
вами предъ Отечественною войною 1812
года (Продолженіе.)

Святѣйшій синодъ и отношенія его къ
другимъ государственнымъ учрежде-
ніямъ при Императорѣ Петрѣ I

Критика и Библіографія.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для уча-
щихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи.
Составлена преподавателемъ исторіи 1-й воен-
ной гимназіи и Александровской женской гим-
назіи А. Осляниковымъ.

Нѣсколько словъ объ учительскихъ мнѣ-
ствахъ

О подготовительномъ классѣ въ прогимна-
зіяхъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа

Поѣздка г. министра народнаго просвѣще-
нія по Одесскому учебному округу.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки.)

РУССКО-ЛИТОВСКАЯ ПАРТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ 1574 — 76 ГОДА.

Утро 19-го іюня 1574 года. Краковъ взволнованъ извѣстіемъ о бѣгствѣ короля Генриха. Въ Костежѣ и Клепажѣ ¹⁾, у Флоріанскихъ воротъ, въ древней Сукенницѣ ²⁾, на паперти собора, на террасѣ Замка, на всѣхъ улицахъ и переулкахъ собирались толпы шляхты и мѣщанъ, разсуждавшихъ объ этомъ событіи. Часа два послѣ выхода короля изъ Замка, за нимъ помчались Тенчинскій и Зебржидовскій. „Но не догнать имъ короля“, толковала публика, — „потому что подъ нимъ лучшій конь въ цѣлой Польшѣ—подарокъ пана Тенчинскаго“. На остальныхъ сенаторовъ и пановъ, поѣхавшихъ по слѣдамъ Генриха, еще менѣе надѣялись. Они двинулись въ кочахъ и коленбакахъ, окруженные надлежащею свитой и парадомъ, точно имъ предстояло исполнять при королѣ свои придворныя обязанности.

Прошли сутки. Вѣсти и сплетни создавались и росли съ необыкновенною быстротой. Всѣ предположенія были исчерпаны; вѣломаны двери королевской спальни, прочитаны оставленные королемъ письма. Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что польскій король бѣжалъ изъ Польши, покинувъ ее самымъ постыднымъ образомъ въ ущербъ собственному достоинству и достоинству націи, почтившей его своимъ выборомъ. И безъ того живая фیزیономія Кракусовъ начали оживляться до раздраженія. Поляки, и прежде недовольные Генрихомъ, теперь бранили открыто и его, и французскую націю. „Неблагодарный, безчестный, развратный... онъ умѣетъ только вольту ³⁾ танцевать... Присягалъ одному государству, а теперь, какъ воръ ночной, убѣжалъ въ другое... Низложимъ его, панове! Пусть тогда

¹⁾ Части города Кракова.

²⁾ Зданіе, соответствующее нашему гостиному двору.

³⁾ Канканъ XVI вѣка.

Франція дѣлаетъ у себя королемъ челоѣка, котораго Польша отвергла за измѣну". Говорились зажигательныя рѣчи. Уже составлялась партія, желавшая объявить безкоролевье.

Судьба во всемъ благопріятствовала бѣглецу. Тенчинскій, хотя и догналъ короля, но уже въ то время, когда онъ переѣхалъ австрійскую границу. Тенчинскій все пустилъ въ ходъ: просьбы, вѣрноподданническое униженіе, даже слезы; пробовалъ затронуть самолюбіе— „что скажутъ другія націи о васъ, король, и о несчастной Польшѣ"; ничто не помогло. Король былъ съ Тенчинскимъ необыкновенно любезенъ, подарилъ перстень, который и теперь хранится въ фамиліи князей Чарторыжскихъ, обѣщалъ возвратиться въ Польшу тотчасъ, какъ только устроить свои дѣла во Франціи, но, даже разговаривая съ Тенчинскимъ, онъ продолжалъ свой путь въ Вѣну. Послѣ этого Генрихъ никогда уже не былъ въ Польшѣ.

Но безвозвратно потерявъ короля, польскіе паны имѣли утѣшеніе сохранить, по крайней мѣрѣ, его секретаря Пибрака. Это былъ челоѣкъ весьма образованный для того времени, владѣвшій и даромъ слова, и перомъ. Но природа отказала ему въ характеръ и потому всегда какъ-то такъ случалось, что свое, обыкновенно, здравое мнѣніе онъ подчинялъ первому придворному теченію, которое встрѣчалось ему на дорогѣ. Если мы прибавимъ, что, съ крайнею безхарактерностью въ Пибракѣ соединялось желаніе, во что бы то ни стало, играть роль въ высшихъ сферахъ, то, въ воображеніи читателя, получится типъ челоѣка, которому можно поручить и защиту галликанской церкви противъ притязаній папы, и защиту варфоломеевской ночи, составляющей крайнюю точку, до которой могутъ дойти эти притязанія. Пибракъ поддерживалъ оба тезиса. Люди этого сорта, служа разомъ Богу и мамонѣ, обыкновенно проигрываютъ по всѣмъ счетамъ. Ихъ держатъ въ зависимости обѣщаніемъ великихъ наградъ и забываютъ на другой же день послѣ оказанной ими услуги.

Пибракъ выѣхалъ изъ Кракова нѣсколькими часами ранѣе короля и, согласно условію, ожидалъ его въ полуразрушенной часовнѣ. Темно; вдругъ послышался топотъ. Пибракъ вообразилъ, что это король и пошелъ на встрѣчу. Но топотъ послышался и сзади. Тогда онъ понялъ, что это погоня. Чтобы, хотя на время, задержать ее, Пибракъ оставилъ здѣсь своего слугу, а самъ поспѣшилъ по тому направленію, гдѣ, какъ ему казалось, долженъ былъ находиться король, но въ темнотѣ заблудился и попалъ въ какое-то болото. Сосѣдніе крестьяне открыли его убѣжище и устроили на него формаль-

ную облаву. Нѣсколько разъ приходилось ему нырять въ воду для того, чтобы спасти голову отъ брошеннаго камня. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ пятнадцать часовъ и выбрался только слѣдующею ночью, оставивъ въ болотѣ сапоги и шапку. Оборванный, въ грязи, съ помятыми боками, онъ попалъ на глаза референдарію Чарнковскому, когда тотъ возвращался изъ погони за Генрихомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Краковъ въ самый разгаръ волненія, вызваннаго вѣстью о бѣгствѣ Генриха ¹⁾).

Волненіе это начало принимать такіе размѣры, что можно было опасаться за жизнь Французовъ и Швейцарцевъ, оставленныхъ Генрихомъ въ Краковѣ. По Шибракъ объявилъ, что король все предвидѣлъ и уже написалъ королевѣ-матери (Екатеринѣ Медичи), чтобы, въ случаѣ задержанія въ Польшѣ Французовъ, были задержаны во Франціи всѣ проживавшіе тамъ Поляки. За Французовъ вступилась инфантка Анна, литовскій магнатъ князь Николай Крыштофъ Радзивиль, прозванный Сироткой, еще прежде знавшій о намѣреніи Генриха покинуть Польшу, наконецъ, всѣ благоразумные люди. Преслѣдованіе Французовъ въ Польшѣ непременно отозвалось бы на Полякахъ во Франціи. Впослѣдствіи оказалось, что во Франціи уже все было приготовлено для того, чтобы „воздать око за око и зубъ за зубъ“ и только прібытіе Соликовского, одного изъ агентовъ приверженной Генриху партіи, заставило французское правительство оставить мысль о репрессаліяхъ ¹⁾).

Если нельзя было отомстить Французамъ, то ничто не мѣшало сорвать зло на „своихъ“. Воевода подольскій Мелецкій, болѣе другихъ противившійся избранію Генриха, поспѣшилъ теперь въ Краковъ и, встрѣтивъ здѣсь воеводу краковскаго Петра Зборовскаго, публично бранилъ его какъ главнаго виновника французской кандидатуры. На Прошевицкомъ съѣздѣ, родной племянникъ Зборовскаго, Стадницкій бросился на него съ саблей въ рукахъ. Такимъ же оскорбленіямъ подвергся другой виновникъ избранія Генриха, епископъ Куявскій Карниковскій и при томъ подвергся имъ въ Великой Польшѣ, то-есть, въ мѣстности, гдѣ онъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Шляхтичъ Мышковскій не только бранилъ его, но даже ранилъ коня, на которомъ сидѣлъ епископъ ²⁾). Русская шляхта, съѣхав-

¹⁾ *Niećmowicz* «Zbiór Pamiętników», I, 289.

²⁾ *Soliński* «Pamiętnik», стр. IV; *Heidenstein* «Dzieje Polski», I, 155; *Orszelski*, II, 6.

³⁾ *Heidenstein*, I, 157; *Orszelski*, II, 10.

паяся въ Львовѣ, напала на своего бывшего и будущаго кумира — Замойскаго ¹⁾). Архіепископа-примаса Якова Уханскаго оскорбляли менѣе другихъ, но и то только потому, что всѣ считали его выжившимъ изъ ума старикомъ и никому не пришло въ голову приписать его изобрѣтательности массу интригъ, способствовавшихъ возведенію Генриха на польскій престолъ. Какъ бы то ни было, но и Карниковскій, и Уханскій сочли за лучшее сидѣть дома и не показываться на сѣздахъ и сеймикахъ ²⁾).

Первая мысль, просвѣчивающая въ Польшѣ среди неурядицы, произведенной отъѣздомъ Генриха — это мысль о денежной сдѣлкѣ съ бѣглецомъ. Папскій нунцій доноситъ на третій или четвертый день послѣ бѣгства, что вельможи сначала очень разсердились, но потомъ, благодаря посредничеству инфантея и объясненіямъ повѣреннаго Генриха (вѣроятно Пибрака), успокоились и рѣшились просить у короля денегъ для защиты отъ Москвы. „Въ такомъ случаѣ, пишетъ нунцій, онъ можетъ быть увѣренъ въ сохраненіи польской короны“ ³⁾). Точно мы присутствуемъ въ Польшѣ XVIII вѣка, гдѣ денежная сдѣлка чувствуется всюду, какъ общій знаменатель. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что краковскій замокъ былъ ограбленъ въ первый же день послѣ бѣгства Генриха и что многія изъ похищенныхъ вещей оказались впоследствии у главнаго камергера (*podkomorzy*) короля, Тенчинскаго. Когда Генрихъ потребовалъ эти вещи, Тенчинскій отвѣчалъ, что онѣ взяты имъ въ счетъ жалованья, а потомъ сказалъ, что онѣ ему подарены ⁴⁾). Трудно рѣшить, у кого память была короче: у польскаго магната или у французскаго короля.

Отъѣздъ короля послужилъ въ Польшѣ сигналомъ для грабежей. Войска республики, давно стоявшія безъ жалованья, захватили на Руси ⁵⁾ нѣсколько староствъ, выгнали законныхъ владѣльцевъ и распоряжались ихъ имуществомъ не лучше непріятеля. Они ссылались на какую-то квитанцію Генриха, будто позволявшую это самоуправство въ случаѣ если, къ извѣстному сроку, жалованье не будетъ уплачено ⁶⁾). Павелъ Уханскій, родственникъ архіепископа, воспользо-

¹⁾ Тамъ же, 157.

²⁾ *Orszelski*, II, 11.

³⁾ *Theiner*, «*Baronii Continuatio*», I, 422.

⁴⁾ *Heidenstein*, I, 156.

⁵⁾ На основаніи Люблинской уніи, русскія воеводства составляли оециально часть «Короны», то-есть, собственно Польши.

⁶⁾ *Orszelski*, II, 27, 32; *Heidenstein*, I, 158.

вавшись довѣріемъ Юрія Мнишка, завладѣлъ принадлежавшимъ послѣднему староствомъ Красноставскимъ и, въ то же время, Претвичъ завладѣлъ имѣніемъ Уханскаго. Прежде чѣмъ Уханскому удалось справиться съ Претвичемъ, Мнишки повели противъ него самого правильную осаду. Армію Мнишковыхъ составляли не только ихъ собственные надворныя войска, но и мѣстная шляхта; въ дѣло пошла артиллерія и Мнишки одержали побѣду ¹⁾. Альбрехтъ Ласскій, воевода Сѣрадзскій, захватилъ у вдовы подканцлера Вольскаго замокъ Лянцкорунъ (недалеко отъ Кракова). Когда рѣшеніемъ третейскаго суда было постановлено, чтобы онъ возвратилъ Лянцкорунъ его законной владѣлицѣ, Ласскій медлилъ исполнить рѣшеніе, а потомъ, когда Вольская настаивала, прямо объявилъ, что онъ „не привыкъ слушать бабьихъ приказовъ“, отстоялся отъ непосполитаго рушенія, которое на него было поднятъ мѣстный воевода Петръ Зборовскій и распорядился въ Лянцкорунѣ какъ законный владѣлецъ. Ласскій тоже ссылаясь на какой-то документъ, присланный королемъ изъ Ліона ²⁾. Мы могли бы привести еще много жалобъ на разбой и самоуправство, проявлявшіеся въ Польшѣ около этого времени...

Волей-неволей всѣ вспомнили теперь слова покойнаго Фирлея на избирательномъ сеймѣ 1573 года: „Милостивые государи и братья! Для меня очевидно, что этотъ король, котораго, по волѣ Божіей, за грѣхи наши, намъ навязываютъ насильно, не принесетъ намъ ни малѣйшей пользы; напротивъ, намъ слѣдуетъ ожидать отъ него всякаго зла... Тѣ, которые были всему этому причиной, будутъ со временемъ каяться и увидать, до чего они унизили польскую корону. Я уже старъ и не надѣюсь дожить до этого. Но вы — люди молодые, сами увидите и испытаете“ ³⁾.

Фирлей дѣйствительно уже не было въ живыхъ. Носились слухи, что онъ отравленъ ⁴⁾. Тогда, волновавшейся на улицахъ Кракова, не къ кому было обратиться за совѣтомъ. Мелецкій—политическій другъ Фирлея — также какъ и Фирлей не пользовался популярностью, потому что не умѣлъ заискивать у шляхты. Всѣ же другіе политическіе дѣятели, пользовавшіеся довѣріемъ шляхты, въ одно мгновеніе потеряли свою популярность. Ихъ подозрѣвали въ стачкѣ съ коро-

¹⁾ *Orzelski*, II, 32; *Heidenstein*, II, 55, 56—68.

²⁾ *Orzelski*, II, 55, 56—68.

³⁾ *Kronika M. Bielskiego*, 1317.

⁴⁾ *Heidenstein*, I, 159.

лемъ, обвиняли въ угодничествѣ и нерадѣніи, и т. д. Дѣйствительно, всѣмъ бросалось въ глаза, что эти „стражи республики“ и главные совѣтники короля упустили изъ виду возможность его бѣгства во Францію въ то время, „когда даже бабы толковали объ этомъ на рынкахъ“ ¹⁾.

Литва приняла извѣстіе объ отъѣздѣ Генриха совершенно не такъ, какъ Польша. Относительное равнодушіе Литвы къ этому событію зависѣло прежде всего отъ того, что литовская шляхта, воспитанная въ болѣе деспотическихъ преданіяхъ, не находила ничего неожиданнаго или чрезвычайнаго въ томъ, что король уѣхалъ, не спросивъ сейма. Къ тому же, избраніе Генриха, на сколько оно зависѣло отъ Литвы, было домашнимъ дѣломъ нѣсколькихъ фамилій, олигархически управлявшихъ Литвой. Всѣ онѣ были равно виноваты, слѣдовательно, некого было обвинять, не съ кого взыскивать. Что же касается до литовской шляхты, то она пользовалась гораздо меньшимъ общественнымъ вѣсомъ, чѣмъ польская. Словомъ, въ Литвѣ было менѣе людей, способныхъ выносить соръ изъ избы и кричать слишкомъ громко.

Но если въ Литвѣ, по поводу отъѣзда Генриха, не было и не могло быть никакихъ упрековъ, брани, шума и т. п., то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы тамъ все обстояло благополучно. Наѣзды, убійства, нападенія на личность и имущество шли своимъ чередомъ. Возникавшія безпокойства зависѣли отъ мѣстныхъ причинъ и не имѣли никакой связи съ бѣгствомъ. Литовскія партіи гораздо болѣе были заняты своими личными счетами, чѣмъ посторонними событіями.

Радзивилы прежде всѣхъ начали готовиться къ избранію. Надобно замѣтить, что у литовско-русскихъ магнатовъ этого времени было въ обычай имѣть, въ разныхъ мѣстахъ, своихъ погласныхъ агентовъ „dla wywiadowania spraw wszelakich“—какъ сказано въ одномъ частномъ письмѣ ²⁾. Константинъ Острожскій, Мелецкій, Язловецкій имѣли ихъ въ Крыму и даже Константинополѣ; Ходкевичи и Радзивилы преимущественно наблюдали за Москвой и Короной (то-есть, Польшей въ тѣсномъ смыслѣ слова). Агентомъ Радзивиловъ въ Польшѣ, со времени смерти Сигизмунда Августа до бѣгства Генриха, былъ одинъ изъ членовъ этой же фамиліи Николай Крыштовъ Радзивиль. Ходкевичи не нуждались въ агентѣ, который занималъ бы такое вы-

¹⁾ Bielski. Kronika, 1341.

²⁾ Р. И. П. Б., F, 181, польск. Письмо Стшебоша отъ 16-го января 1576 г.

ское общественное положеніе. Ихъ сестра была за воеводою краковскимъ Петромъ Зборовскимъ и потому фамиліное вліяніе въ Польшѣ и при дворѣ было, въ извѣстной степени, обезпечено. Какъ бы то ни было, но и Ходкевичи почти всегда имѣли въ Польшѣ человѣка, который доносилъ имъ о всемъ ¹⁾).

Близость ко двору и умѣніе сойтись съ королемъ Генрихомъ дали Николаю Крыштофу возможность первому проникнуть въ его намѣренія и первому прислать въ Литву вѣсти о предстоящей перемѣнѣ. Въ письмѣ отъ 15-го іюня 1574 года (то-есть, написанномъ за три дня до бѣгства) онъ говоритъ между прочимъ: „Ваша княжеская милость знай навѣрно, что государь нашъ поѣдетъ во Францію царствовать. Пока всѣ съѣдутся на сеймъ, это должно оставаться тайной. Одно пока его удерживаетъ— это чтобы мы на него не плавали. За это Богъ ему заплатитъ... Намъ Литвѣ всего хуже. А казалось, для нашей фамиліи все пошло хорошо“. Далѣе Николай Крыштофъ совѣтуетъ во-время подумать о будущемъ государѣ и постараться войти въ соглашеніе съ Ходкевичемъ. „Ты знаешь какъ онъ“, внушительно замѣчаетъ Николай Крыштофъ. Вслѣдъ за этимъ совершилось бѣгство короля и Николай Крыштофъ уѣхалъ въ Литву, чтобы принять личное участіе въ предстоящихъ работахъ по части соглашенія.

Такъ какъ во главѣ вельможъ, олигархически управлявшихъ въ это время Литвой, стояли Ходкевичи и Радзивилы, то, чтобы познакомиться съ литовскими дѣлами, надо прежде всего уяснить тенденціи и характеръ этихъ двухъ фамилій.

Глава Радзивиловъ, Николай Юрьевичъ, великій литовскій гетманъ, воевода виленскій и канцлеръ литовскій (къ которому адресовано предыдущее письмо) вообще велъ себя чрезвычайно сдержанно. Передъ нами—человѣкъ осторожный, не затѣвающій никакихъ интригъ, во всемъ соблюдающій интересы „радзивиловскаго дома“ и изрѣдка, какъ бы для очистки совѣсти, совмѣстно съ другими вельможами, подписывающій протесты противъ отдѣленія русскихъ воеводствъ отъ Литвы и Польши. Но можно думать, что литовское чувство говорило въ немъ нѣсколько живѣе, когда онъ, тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, устроивъ коронацію своей родной сестры Варвары, жены Сигизмунда Августа, давалъ королю совѣты „не какъ Поликъ, а какъ Литвинъ“. Но и тогда Николай Юрьевичъ умѣлъ изъ всего извлекать выгоду.

¹⁾ Р. И. П. Б., F, 181, польск. Письмо 26-го сентября 1574 г.

Сигизмундъ Августъ выхлопоталъ для него у императора княжескій титулъ, но держалъ въ удаленіи отъ двора ¹⁾. Подъ старость Николай Радзивиль сдѣлался совершенно практическимъ человѣкомъ. Получивъ письмо племянника, въ которомъ онъ предупреждаетъ о намѣреніи Генриха уѣхать во Францію, Николай Юрьевичъ спѣшитъ послать ему подробную инструкцію, какъ воспользоваться послѣдними днями пребыванія короля въ Польшѣ и извлечь изъ него все, что только можно, а именно: патентъ на гетманство для самого воеводы и конфирмацію всѣхъ законовъ и правъ для Литвы ²⁾. Забота напрасная, потому что письмо могло прійти въ Краковъ уже тогда, когда Генрихъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ Вѣнѣ или Венеціи.

Радзивили этого времени принадлежали двумъ вѣроисповѣданіямъ: кальвинистскому и католическому. Воевода виленскій принадлежалъ къ первому. Интересно видѣть, какъ этотъ умный кальвинистъ, окруженный протестантскими учеными и богословами, протезируетъ своего племянника Юрія Радзивила на пути къ кардинальству ³⁾ и доставляетъ своей сестрѣ Варварѣ способы выполнить бернардинскій уставъ ⁴⁾. Вѣроятно, панъ-гетманъ держался того мнѣнія, что всѣхъ людей не переучишь на свой ладъ и что извѣстная доля глупости и заблужденія должна быть терпима во всѣхъ человѣческихъ дѣяніяхъ. Не видно, чтобы онъ придавалъ особенное значеніе патриотическимъ (съ литовской точки зрѣнія) донесеніямъ своего племянника.

Этотъ племянникъ, Николай Крыштофъ Радзивиль по прозванію „Сиротка“,—тотъ самый, письма котораго мы привели выше—носитъ на себѣ всѣ признаки упадка національно литовскаго чувства и измѣльчанія характеровъ. Николай Крыштофъ представляетъ типъ молодого человѣка, у котораго, выражаясь языкомъ казаковъ XVII вѣка, литовскія кости быстро обростали польско-католическимъ мясомъ. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей карьеры, онъ является болѣе горячимъ литовскимъ патриотомъ, чѣмъ всѣ другіе члены радзивильской фамиліи. Надобно сказать, откуда взялась у него патриотическая струнка и почему она исчезаетъ въ немъ подъ старость.

¹⁾ *Balinski*, *Pisma Historyczne*. I, 191, 244, 250, 251.

²⁾ *Рук. Им. Публ. Библ.*, F, 185, польск. Это письмо тоже почти вполнѣ приведено въ книгѣ *«Вырожденіе Польши»*, 338—339.

³⁾ *Рук. Им. Публ. Библ.*, F, 185, польск. Письмо Николая Крыштофа отъ 17 сентября 1574.

⁴⁾ *Balinski*, I, 63.

Объ отцѣ Николая Крыштофа, Николаѣ Радзивилѣ Черномъ, говорили, будто онъ самъ имѣетъ виды на великокняжескую литовскую корону и, по этой причинѣ, упорно сопротивляется уніи великаго княжества съ Польшей. Николай Радзивилъ умеръ; люблинская унія совершилась безъ него; остались малолѣтніи дѣти. Невозможно судить о томъ, на сколько основательны слухи, ходившіе о Николаѣ Радзивилѣ, но уже одного существованія этихъ слуховъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ его домашней обстановки. Очевидно, въ его домѣ, среди польской рѣчи и кальвинистской проповѣди, прорывалась идея литовскаго обособленія. Въ такомъ аристократическомъ семействѣ какъ Радзивилы, гдѣ все дышетъ преданіемъ, гдѣ старыя понятія передаются какъ принадлежность фамиліаго наслѣдства, взглядъ Николая Чернаго на литовскія дѣла не могъ исчезнуть съ его смертію. Его политическія тенденціи, встрѣтивъ сопротивленіе исторіи, не могли передаваться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, но, по крайней мѣрѣ, первое поколѣніе, по крайней мѣрѣ его старшій сынъ Николай Крыштофъ долженъ былъ болѣе или менѣе продолжительное время оставаться подъ впечатлѣніемъ отцовской политики и смотрѣть на Литву отцовскими глазами. Поэтому, когда Николаю Крыштофу пришлось выступить на политическое поприще (въ послѣдній годъ жизни Сигизмунда Августа и почти во все первое безкоролевье онъ прожилъ въ Польшѣ въ качествѣ негласнаго представителя Литвы или, точнѣе, радзивилловскихъ интересовъ) онъ началъ съ того, что осаждалъ своего дядю письмами въ ультралитовскомъ духѣ ¹⁾.

Но этотъ литовско-патріотическій жаръ продолжался не долго. Николай Крыштофъ скоро почувствовалъ, что польскіе порядки, въ сущности, не только не заключаютъ въ себѣ ничего враждебнаго для Радзивилловъ, но, какъ порядки въ высшей степени аристократическіе, очень для нихъ выгодны. По своей матери, урожденной Шидловской, по замужеству своихъ сестеръ онъ имѣлъ многочисленное польское родство. Наконецъ, его сближалъ съ Польшей тотъ фанатическій католицизмъ, которымъ онъ рано ознаменовалъ свою жизнь.

Съ Николаемъ Крыштофомъ, около двадцатилѣтняго возраста, случилось одно изъ тѣхъ обращеній, которыми чрезвычайно часто повто-

¹⁾ *Рук. Имп. Пуб. Библ.* F, 185, польск. Письма за 1572 годъ. Они напечатаны въ приложеніи къ соч. г. *Трачевскаго* «Первое безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ»; см. также «Вырожденіе Польши», глава I,

рались въ Польшѣ послѣдней четверти XVI вѣка. Отецъ его былъ ревностный кальвинистъ, покровительствовалъ реформатскимъ ученымъ, великолѣпно напечаталъ польскій переводъ Библии и надалъ кальвинистскій катехизисъ на русскомъ языкѣ. Сынъ—если вѣрить католическимъ біографамъ—довелъ отцовское направленіе до крайности: наряжалъ свою дворню въ монашеское платье, и въ такомъ видѣ давалъ шутовскія представленія. Но вотъ начинаются чудеса: то оживаетъ жаренный пѣтухъ, уже поданный къ столу, то полудикій конь, подаренный Сироткою какому то католическому монаху, вдругъ превратился въ смиренную лошадь... Сомнѣніе закрадывается въ душу юноши. Онъ вспомнилъ, какъ однажды, въ отвѣтъ на религіозный вопросъ, отецъ сказалъ ему: „самъ разумъ имѣешь, пусть онъ научить тебя что дѣлать, я же ничѣмъ не могу тебѣ помочь, да и пасторы наши не могутъ разрѣшить всѣхъ сомнѣній“. Сиротка сдѣлался католикомъ и при томъ католикомъ, который ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія религіозныхъ цѣлей.

Фанатизмъ развивался въ немъ съ годами. Находясь въ первое безцаревье въ числѣ членовъ посольства, предлагавшихъ Генриху польскую корону, онъ присталъ къ той партіи, которая, къ стыду всего посольства, объявила, что пунктъ о вѣротерпимости внесенъ въ *Articuli Henriciani* безъ общаго согласія ¹⁾. Въ данную минуту онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы облегчить своему брату, восемнадцатилѣтнему Юрію, дорогу къ епископству и кардинальству и перенести тѣла своихъ родителей, умершихъ въ кальвинизмѣ, въ католическій костелъ ²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ воздвигъ въ сво-

¹⁾ *Выврожденіе Польши*, 305—307.

²⁾ «Я увѣренъ, пишетъ Николай Крыштоѳъ своему дядѣ, что ваша милость желаетъ этой чести (коадьюторства виленскаго епископа; коадьюторъ—помощникъ епископа по управленію епархіей и, обыкновенно, его преемникъ по кафедрѣ) пану Юрію; чѣмъ выше онъ поднимется, тѣмъ усерднѣе будетъ служить вамъ» (*Рук. Имп. Публ. Библ.*, F, 185, письмо 17-го сентября 1574 года). Въ то же время онъ изъясняетъ намѣреніе удалить кальвинистскій молитвенный домъ изъ отцовскаго дворца, потому что будто онъ служитъ препятствіемъ для коадьюторства. Отвѣтъ виленскаго воеводы намъ неизвѣстенъ. Вообще Николай Крыштоѳъ объ этомъ предметѣ высказывается передъ дядей чрезвычайно осторожно, и, оставляя въ тѣни фактъ закрытія протестантской кирки, старается тольکو выставить, какъ выгодно для Радзивилловъ если одинъ изъ нихъ будетъ коадьюторомъ виленскаго епископа. Но повидѣйшая переписка съ папой бросаетъ совершенно якой свѣтъ на поступокъ лиценціарнаго фанатика. Въ этомъ молитвенномъ домѣ были погребены останки его отца и матери, умершихъ въ

ихъ имѣніяхъ гоненіе на протестантовъ; дорогою цѣной скупалъ Библию изданную его отцемъ, и сжегъ почти все изданіе; ѣздилъ въ Іерусалимъ, мучилъ себя постами и дисциплиной. Понятно, какой разрывъ вносилъ его фанатизмъ въ семейныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, національно литовскія преданія. Не могъ же онъ, попирая ногами одну часть отцовскаго идеала, оставаться вѣрнымъ другой. И вотъ, литовская нота становится все слабѣе и слабѣе въ письмахъ Сиротки; на ея мѣсто выдвигается „Радзивилловская фамилія“. „А казалось бы, для нашей фамиліи все такъ хорошо пошло“, восклицаетъ онъ по поводу внезапнаго отъѣзда Генриха. Поведеніе же короля нисколько не возмущаетъ его нравственное чувство ¹⁾).

Нравственное состояніе Николая Крыштофа отчасти объясняется его физическимъ недугомъ. Въ молодости онъ заболѣлъ сифилисомъ и потому никакіе доктора и никакіе бальзамы не могли его излѣчить. Нервная система была потрясена; разстроеннымъ воображеніемъ воспользовались іезуиты; тѣсный домашній кругъ, въ который онъ заключился въ послѣдствіи, окончательно сгузилъ его воззрѣнія.

Замѣчательно, что фальшивость характера соединялась въ Николаѣ Крыштофѣ съ какою-то наивностью. Фанатическій воспитанникъ италіанскихъ іезуитовъ, онъ вполне усвоилъ себѣ правило „цѣль оправдываетъ средства“. Во имя этого правила, онъ измѣнилъ своимъ посольскимъ обязанностямъ во Франціи и, какъ увидимъ ниже, подговаривалъ дядю „ни за что, ни про что“, отравить московскаго

кальвинизмъ. По понятіямъ Николая Крыштофа церкви, въ которой произносится кальвинистская молитва, есть ничто иное, какъ жидовская «синагога». Съ другой стороны, благодаря чисто матеріальному представленію о будущей жизни, онъ полагаетъ, что костямъ родителей, умершихъ въ лонѣ такой противной ереси какъ кальвинизмъ, будетъ гораздо легче, если ихъ перенесутъ въ католическій костелъ. Въ силу такихъ соображеній онъ рѣшилъ, *ad Dei gloriam*, построить католическій костелъ въ такой части Вильны, въ которой, въ эту эпоху, находились однѣ только диссидентскія церкви, и перенести туда «секретно», не возбуждая чьего либо вниманія, прахъ отца и матери, а протестантскую молеблю, помѣщавшуюся во дворцѣ, по раздѣлу доставшемся Сиротѣ, разрушить такъ, чтобы отъ него не осталось «ни камня, ни воспомяніа». Сиротѣ удалось разрушить «синагогу», въ которой молились его отецъ и мать, но папа Григорій XIII отказалъ ему въ дозволеніи перенести прахъ родителей въ католическій костелъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это было бы противно церковнымъ канонамъ и не только возбудило бы скандалъ между католиками, но и вызвало бы наскѣшку еретиковъ. (*Theiner «Baronii Continuatio», II, 405—406*).

¹⁾ *Върожденіе Польши*, 336—337.

посла, ѣхавшаго на избирательный сеймъ. Но, въ то же время, онъ отказывался отъ почетныхъ должностей и любилъ разыгрывать роль „благочестиваго селянина“, занятаго своими садами и постройками, свадьбами многочисленныхъ племянниковъ и племянницъ и семейными торжествами близкихъ знакомыхъ. Впрочемъ, все это относится къ позднѣйшему времени. Теперь же, напротивъ, Николай Крыштофъ жаждалъ общественной дѣятельности и искалъ случая отличиться.

Просматривая послѣдующую переписку Николая Крыштофа, можно замѣтить, что онъ былъ если не въ дружбѣ, то въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ своимъ сверстникомъ и троюроднымъ братомъ, сыномъ виленскаго воеводы Крыштофомъ, будущимъ гетманомъ и побѣдителемъ Ивана Грознаго. Крыштофъ Радзивилъ стоитъ послѣднимъ въ ряду геніальныхъ Радзивиловъ, которыми эта фамилія съ рѣдкимъ постоянствомъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, надѣлала Литву. Но пока онъ былъ только крайчій литовскій и, какъ младшій членъ патриархальнаго семейства, совершенно заслоненъ фигурой отца. Ни теперь, ни впослѣдствіи, мы не замѣчаемъ въ немъ собственно литовскаго патриотизма.

Нравивъ съ Радзивилами стояла другая литовская фамилія—Ходкевичи. Янъ¹⁾ Іеронимовичъ Ходкевичъ¹⁾, отецъ того Ходкевича, который дѣйствовалъ при самозванцахъ, провелъ свои молодые годы за границей, припалъ сначала протестантизмъ, потомъ перешелъ къ кальвинизму и кальвинистомъ вернулся на родину. Скоро высказались его военные и административные таланты. Онъ разбилъ московскія войска при Улѣ и принималъ Инфлянты въ подданство польскому государству. Быстро поднимаясь по іерархической лѣстницѣ, онъ достигъ званія виленскаго каштеляна, старосты жмудскаго, великаго литовскаго маршала, губернатора инфлянцскаго, гетмана литовскаго и проч. и проч.

Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ былъ совершенною противоположностью воеводѣ виленскому Радзивилу. На сколько Радзивилъ относился ко всему скептически, былъ скрытенъ и сдержанъ, на столько же Ходкевичъ былъ склоненъ дѣйствовать по увлеченію, подъ вліяніемъ впечатлительной натуры. Онъ вообще былъ скоръ на расправу. Двѣнадцать драбантовъ, готовыхъ исполнять его повелѣнія, всегда стояли у дверей его кабинета. Каштелянъ былъ способенъ быть иногда

¹⁾ Онъ подписывался и Яномъ Іеронимовичемъ и Яномъ Карломъ. *Niesiecki*; Рук. Имп. Публ. Библ., F, 253, польск. актъ Литовской конфедераціи.

жестокимъ и даже несправедливымъ судьей. Какой то „zły człowiek“, какъ его называютъ слуги Ходкевича, жаловался Баторію на то, что, по приказанію Ходкевича, безъ всякой вины, онъ былъ „kleszczami targan“, а мать лишилась погъ въ тюрьмѣ. Должно быть жалоба была основательна, иначе приверженцы Ходкевича менѣе старались бы о томъ, чтобы какъ нибудь замѣять это дѣло ¹⁾. Ковенскій магистратъ жаловался на Ходкевича, что, вопреки магдебургскому праву, онъ принялъ къ разбирательству дѣло о побояхъ и ранахъ, нанесенныхъ его слугѣ ²⁾. Но, не смотря на вспыльчивость Ходкевича, его сношенія съ подчиненными носятъ отгѣнокъ патриархальнаго добродушія. Сохранились коиіи писемъ къ нему какого-то пана Каюша (Caisz), которому было поручено наблюдать за отливкой пушекъ. „Прошу милостиваго пана, пишетъ онъ каштеляну виленскому, вспомнить о сотовомъ медѣ, обѣщанномъ на крестинахъ моего сына Яна, котораго Богъ далъ мнѣ вотъ уже пятнадцать недѣль. А я, съ своей стороны, ручаюсь, что когда сынъ мой Янъ вырастетъ, то будетъ вѣрнымъ слугою сыновей вашей милости... Покорнѣйше прошу вашу милость дать мнѣ квитъ (дозволеніе) на медъ, потому что къ жаркому (изъ письма видно, что Каюшъ еще прежде получилъ дозволеніе пользоваться дичью) требуется выпивка“ ³⁾. Записка на медъ дѣйствительно была выдана любителю меда и онъ благодарить за нее въ слѣдующемъ письмѣ.

Ходкевичъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы стать во главѣ движенія къ обособленію Литвы. Никто не отрицалъ въ немъ замѣчательнаго военнаго таланта; онъ былъ способенъ увлечься идеей именно настолько, чтобы вполне отдать себя какому-нибудь общественному дѣлу; онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для того, чтобы не желать соединить съ своимъ именемъ какой-нибудь великій историческій фактъ; онъ обладалъ тою суровою энергіей характера, которая всего болѣе поражаетъ воображеніе массъ и, наконецъ, онъ умѣлъ кстати „снизойти къ толпѣ, безъ чего нельзя ея повелѣвать“. Ходкевичъ относился къ Полякамъ съ гордымъ недоверіемъ и гдѣ бы то ни было — на сеймѣ, въ войскѣ, при дворѣ — старался заявить свою

¹⁾ Рук. Имп. Публ. Библ. F, 189, польск. письмо Григорія Ваха въ 1579 году.

²⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., F, 182, польск. документъ, отъ 20-го мая 1576 года.

³⁾ Рук. Имп. Публ. Библ. F, 189, польск. письма 12—23-го января.

литовскую національность. Всякій разъ, когда на избирательномъ сеймѣ заходила рѣчь о чемъ-нибудь неприятномъ для Литвы, Ходкевичъ морщилъ лобъ и съ гнѣвомъ возражалъ, что до всего этого Литвѣ нѣтъ дѣла, что Литвины пріѣхали только для элекцій и болѣе ни для чего ¹⁾). Однажды, когда возбужденъ былъ вопросъ о соблюденіи извѣстнаго порядка на полѣ, занятомъ обозами прибывшихъ на сеймъ, Ходкевичъ рѣзко возразилъ Полякамъ: „довольно съ васъ если въ колѣ (мѣсто засѣданій сейма) будемъ соблюдать ваши порядки; когда же сидимъ, каждый, въ своемъ обозѣ, пусть въ наши дѣла не мѣшаются. Это было бы уже слишкомъ“. (Dostyc że w kole będziemy gładni, niech nam nikt w pamięciech nie spiera, boby to nazbyt) ²⁾).

Но для того, чтобы вызвать національное движеніе, для того, чтобы стать во главѣ такого предпріятія, которому суждено сосредоточить всѣ духовныя и матеріальныя силы народа, надобны характеры цѣльные, вполне преданные своей идеѣ. Ходкевичъ не былъ такимъ человекомъ. Въ его душѣ крылась нравственная трещина, въ которую, вопреки его собственной волѣ и честолюбивымъ планамъ, вопреки преданіямъ своего семейства, проникало польское вліяніе. Предки Ходкевича были православные, отецъ — католикъ, самъ онъ четыре раза мѣнялъ религіозныя убѣжденія. Это не имѣло бы особеннаго значенія, еслибы Ходкевичъ былъ человекъ легкомысленный, увлекающійся или лицемерный вольнодумецъ въ родѣ епископа Монюка ³⁾) Но нѣтъ, это былъ человекъ серьезный до сосредоточенности, человекъ лично изучавшій религіозныя вопросы.

Звуки религіозной струны никогда не замираютъ вполне и нельзя переменить религію безъ того, чтобы въ душѣ не осталось извѣстнаго сомнѣнія:

Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ.

Представимъ же себѣ положеніе Ходкевича, въ душѣ котораго было четыре такихъ храма и который, въ разное время, поклонялся каждому изъ нихъ со всѣмъ увлеченіемъ неофита... Слѣдовательно, одинъ изъ элементовъ, которымъ обуславливается цѣльность характера—опредѣленное религіозное убѣжденіе—не существовалъ для Ходкевича. Онъ постоянно колебался и искалъ истины. Вотъ почему,

¹⁾ Orszelski, II, 91, 93, 96, 107, 109, 127...

²⁾ Р. Н. П. В. Ф. 185, польск. письмо 18-го мая 1875 г.

³⁾ О Монюка см. «Вырожденіе Польши», 217—219.

именно въ то время, когда, со смертію послѣдняго Ягеллона, представился удобный случай рѣшительно дѣйствовать въ духѣ обособленія Литвы, Ходкевичъ, болѣе чѣмъ позволительно для политическаго дѣятеля, поглощенъ своими религіозными сомнѣніями. Онъ читаетъ богословскія книги, терпѣливо выслушиваетъ представителей различныхъ церквей, устраиваетъ въ своемъ дворцѣ настоящіе богословскіе диспуты. Краснорѣчіе школьнаго товарища, іезуита-поляка Варшевицкаго, мало по малу привело его къ католицизму, то есть, къ окончательному сближенію съ Польшей ¹⁾.

Цѣльный характеръ еще выработывался въ семействѣ Ходкевича. Это сынъ его Янъ Карлъ Ходкевичъ—будущій гетманъ, одинъ изъ полководцевъ московской войны. Сохраняя всѣ основныя черты отцовскаго характера: вспыльчивость, гордость, суровое обращеніе, военный гений и стремленіе къ грандіозной дѣятельности, онъ скрѣпилъ все это католическимъ фанатизмомъ, постами, бдѣніемъ и дисциплиной ²⁾. Отсюда вышли одинъ изъ тѣхъ воиновъ-крестоносцевъ, которому можно пожелать только лучшаго поприща для дѣятельности, чѣмъ то, которымъ его надѣлила исторія. Янъ Карлъ былъ пока ребенкомъ.

Денежныя дѣла фамиліи Ходкевичей, въ эту эпоху, были въ большомъ безпорядкѣ. Сохранилась копія письма къ Яну Іеронимовичу, — письма слугъ его двоюроднаго брата Александра Ходкевича старосты Гродзѣнскаго, въ которомъ они, въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ, объявляютъ свое намѣреніе воспретить погребеніе останковъ своего бывшаго господина, если имъ не заплатятъ заслуженнаго жалованья ³⁾. Къ самому Яну Іеронимовичу тоже довольно часто обращались съ денежными объясненіями, причемъ одинъ изъ кредиторовъ, воевода любельскій Тарло, послѣ неоднократныхъ повтореній, выразился такимъ образомъ: если Ходкевичъ и на этотъ разъ не заплатитъ ему трехсотъ червонцевъ, занятыхъ четыре года тому назадъ, то онъ вычеркнетъ ихъ изъ списка долговъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, „панъ литовскій маршалъ лишится въ немъ своего вѣрнаго казначея“ ⁴⁾. Конечно, изъ того, что денежныя дѣла Ходкевича были запутаны, еще нельзя

¹⁾ Rostowski «Lituanicarum S. Jesu historiarum provincialium», 51.

²⁾ Ременная плеть, которою фанатическіе католики сами себя бичевали или приказывали бичевать своимъ слугамъ.

³⁾ Р. И. П. В. Ф., 182, польск. письмо 22-го августа 1578.

⁴⁾ Р. И. П. В. Ф., 181, польск. письмо 28-го окт. 1578.

вывести заключеніи, чтобы его можно было подкупить (какъ, мимоходомъ, замѣчаетъ Гейденштейнъ ¹⁾), но лица въ положеніи Ходкевича не могутъ предпринять ничего серьезнаго, если имъ приходится обращаться къ Тарламъ за какими-нибудь тремястами червонцами.

Таковы были въ это время корифеи Литвы, люди, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены бразды ея мѣстнаго управленія. Очевидно, что Радзивиллы и Ходкевичи разсматриваемой нами эпохи не могли сдѣлаться мучениками литовской, а тѣмъ болѣе русской идеи. Тѣ изъ членовъ этихъ фамилій, которые еще не успѣли вполне ополячиться, быстро ополячивались въ лицѣ своихъ женъ и посредствомъ обращенія въ католицизмъ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ о литовско-русской женщинѣ этого времени. Женитьба на Польшахъ сдѣлалась тогда почти общимъ правиломъ въ рядахъ литовско-русской аристократіи. Фактъ этотъ имѣетъ свою психологическую причину, на которую стоить обратить вниманіе.

Вотъ что пишетъ Андрей Волянъ о современныхъ ему литовскихъ нравахъ: „Роскошь непомѣрно увеличилась во всѣхъ сословіяхъ. Женщины такъ франтить, какъ будто вся республика только для нихъ и бережетъ деньги. Женщины ударились въ роскошь, а потому мужчины женятся теперь только съ тысячнымъ приданымъ; отъ этого много хорошо воспитанныхъ шляхетскихъ дочерей не можетъ выйти замужъ. И такъ, дѣвицы или незамужними остаются дома, или вступаютъ въ предосудительные браки. Въ настоящее время, вмѣсто того, чтобы соперничать въ добродѣтеляхъ, женщины соперничаютъ только въ безумной роскоши. На многочисленныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ распутницы (*adulterae*) и вдовы, извѣстныя распутствомъ и кокетствомъ (*sturpis ac lenociniis infames*), принимаются предпочтительно передъ другими женщинами“ ²⁾.

Къ сожалѣнію, отзывъ Воляна нельзя назвать клеветой. Изъ біографіи Курбскаго видно, что аристократическое рожденіе и замужество не всегда охраняло Литвинку отъ связей съ разными Жданами, Мироновичами и Ковнацкими ³⁾. Переписка Николая Крыштофа наполнена намеками на современные нравы. Воеводзина Подляска гдѣ-то стала распространяться о болѣзни. Радзивила—Сиротки, по-

¹⁾ *Heidenstein, Dzieje*, I, 225.

²⁾ *Jaroszewicz «Obraz Litwy»* III, 8.

³⁾ *Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ*, I, 144, 183. См. тоже извѣщаніе Василія Загоровскаго. *Архивъ Юго-Зап. Россіи*, I, 1, стр. 67.

желала ему сгнѣть за-живо и кстати замѣтила, что жену его она кнутъ выгонитъ изъ Вилой: Силетня дошла по адресу. „Вуду ее публично проситъ, пишетъ Радзивилъ, пусть меня выгнѣчитъ, только не тѣмъ зельемъ, которое, по ея наущенію, дочь ея дала покойному князю (jedno nie lubczykiem co dziewczkę nauczyła aby księżesiu nieboszczykowi dała). Дѣлать растираніе позволю ей какъ опытной вѣдьмѣ, пусть выгонитъ изъ меня дурную болѣзнь, но внутрь ничего не хочу принимать, развѣ если у нея есть рецепты изъ Данцига, гдѣ ее, какъ извѣстно, какой-то матросъ училъ этому лѣкарству“¹⁾. Много иностранныхъ свидѣтельствъ указываетъ на то, что литовская аристократія этой эпохи не слишкомъ высоко стояла въ нравственномъ отношеніи.

Литвинъ Михалонъ объясняетъ упадокъ семейнаго начала въ своемъ отечествѣ тѣмъ, что литвинское законодательство расширило гражданскія права женщины и дало ей имущественную самостоятельность. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ Статутъ обезпечилъ женщипамъ приданое и пожизненное пользованіе, онѣ предались роскоши, перестали слушать мужей и опекуновъ, и даже старались ускорить ихъ смерть“²⁾. Едвали надо говорить о неосновательности такого объясненія. Причина не въ томъ, что литвинская женщипа получила извѣстную степень независимости, а въ томъ, что въ это время она не имѣла чувства самоуваженія, не знала никакого высшаго идеала, кромѣ роскоши и кокетства. Откуда могла она заимствовать это самоуваженіе? Старинная литовская семья, точно также какъ и литовское государство, была основана на началахъ самаго строгаго деспотизма. Какіе высшіе идеалы могли руководить ею въ эту минуту? Религіозное чувство было поколеблено столкновеніемъ православныхъ, католическихъ и протестантскихъ взглядовъ, нерѣдко въ одномъ и томъ же лицѣ; сознание нравственнаго долга еще не привилось къ жизни; образованіе еще не расширило кругъ женскихъ понятій и требованій. Вотъ почему знатная Литвинка этого времени очень часто пользовалась своею свободой и богатствомъ только для того, чтобы удивлять Вильну роскошью и „заводить непристойныя балы съ жолнерами“³⁾.

Польки были въ другомъ положеніи. Онѣ были, вообще говоря,

¹⁾ Р. И. П. Б. F, 185, польск. письмо 8-го іюля, 1586.

²⁾ Jaroszewicz, „Obraz Litwy“, III, 6.

³⁾ Жизнь князя Курбскаго, I, 256.

образованіе. Онѣ высоко цѣнили свою родовую честь. Польское семейство слишкомъ долго стояло въ сторонѣ отъ растлѣвающего вліянія двора и городской распущенности и это дало ему возможность, по крайней мѣрѣ на первое время, не опуститься до нравственнаго уровня итальянской и французской семейной жизни. Польскій писатель этого времени Гурницкій, говоря о своемъ отечествѣ, съ гордостью замѣчаетъ, что онѣ можетъ вовсе не касаться вопроса о распутствѣ, который такъ подробно разсматривается у Итальянца Кастигліоне, „потому что такого дурнаго обычая въ Польшѣ нѣтъ“¹⁾. Конечно, эту фразу нельзя понимать буквально, но и въ относительномъ смыслѣ она имѣетъ значеніе. Наконецъ,—и это самое важное—польская аристократка того времени уже не сидѣла въ праздности, занималась не одними только выѣздами и нарядами. Передъ нею открылось дѣло, которому очень многія изъ нихъ отдались со всѣмъ пыломъ страсти, со всѣмъ увлеченіемъ женскаго характера. Это дѣло—религіозная пропаганда. Положимъ, религіозная пропаганда, въ томъ видѣ какъ ее внушили польской женщинѣ католическіе патеры и епископы, была лѣкарствомъ, которое стоило болѣзни; но, во всякомъ случаѣ, это уже не было то механическое благочестіе, легко уживавшееся съ житейскими грѣхами, которымъ отличалась, напримѣръ, жено Курбскаго, Марья Юрьевна Гольшанская. Фанатизмъ, рано или поздно, парализируетъ въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ обществѣ всѣ нравственныя и умственныя силы. Но, по дорогѣ къ гибельному результату, онѣ приносятъ временную пользу. Нельзя не признать, что власяницы, посты, ухаживанія за больными и т. п., возлагая на польскую женщину извѣстнаго рода обязанности, давая исходъ ея страстямъ и жаднѣ дѣятельности, спасали польскую аристократку отъ праздности и мѣшали ей погрязнуть въ пошлостяхъ свѣтской жизни.

Вотъ, по нашему мнѣнію, причина почему литовско-русская аристократія этой эпохи, преимущественно выбирала себѣ женъ между Польшами. Давно признано, что родственныя связи съ польскими семействами составляли одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ ополченія высшаго дворянскаго сословія Литвы и Руси. Но фактъ этотъ обыкновенно объясняется ловкостью іезуитовъ и тому подобными случайными причинами. На самомъ же дѣлѣ онѣ обуславливались внутреннимъ состояніемъ литовско-русской семьи и возникъ задолго до

¹⁾ Górnicki, «Dworzanin», 4.

того, когда ополяченіе вошло въ программу польскаго правительства и встрѣтило сильную поддержку въ іезуитахъ.

Возвращаясь къ представителямъ аристократической Литвы—Ходкевичамъ и Радзивиламъ. Консерваторы по преданію, они хотѣли бы управлять Литвой въ литовскомъ духѣ. Но роковая необходимость не только дѣлала ихъ самихъ полу-Поляками, но заставляла, вопреки собственной волѣ, наперекоръ тому оттѣнку національнаго чувства, которое въ нихъ еще оставалось, вести всю Литву по дорогѣ къ ополяченію. Въ Польши, для нихъ почти не было возможности составить политическую программу. Напримѣръ, могли ли они опереться на массу, послушаться народнаго голоса? Но это значило бы подписать свой смертный приговоръ. Русь молилась о дарованіи побѣды Ивану Грозному ¹⁾; добровольное же соединеніе съ Москвой, при тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ то время въ Московскомъ государствѣ, было не мыслимо безъ нравственнаго самоубійства Литвы ²⁾. Могли ли Ходкевичи и Радзивиллы, подобно нѣкоторымъ польскимъ магнатамъ, найти себѣ точку опоры въ рядовой шляхтѣ? Но хотя мелкая литовская шляхта, и начала около этого времени выказывать стремленіе къ самостоятельности по отношенію въ аристократіи, но самостоятельность не приходитъ вдругъ, никогда не вступаетъ послѣ продолжительнаго рабства. Поэтому литовская шляхта была вовсе лишена того *esprit du corps*, который давалъ общественное значеніе ихъ собратьямъ—польской шляхтѣ. Мелкая литовская шляхта не была опасна для Радзивиловъ и Ходкевичей, но она не могла также быть для нихъ полезною. Кромѣ того, если бы рѣчь шла о борьбѣ съ полонизмомъ, то надобно замѣтить, что коренная литовская шляхта, уже въ это время, была, до извѣстной степени, обезличена. Древняго литовскаго энтузіазма, разумѣется, уже не существовало. Потомки Гедимины и его сподвижниковъ приняли русскую народность, стоявшую на ступеняхъ цивилизаціи несравненно выше литовской, но не успѣвъ утвердиться въ своей новой національности, подверглись переработкѣ въ польскомъ духѣ. Такимъ образомъ, ко времени прекращенія ягеллонской династіи, изъ литовской шляхты образовалось нѣчто среднее между польскимъ, литовскимъ и русскимъ, то-есть, какой-то неопредѣленный типъ, нѣчто

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р., VI, 386.

²⁾ О причинахъ, мѣшавшихъ соединенію Польскаго и Московскаго государствъ при Иванѣ Грозномъ см. «Вырожденіе Польши», 253—260.

расплывающееся, туманное, лишенное характеристическихъ признаковъ своихъ составныхъ видовъ. Отъ этого на одномъ изъ документовъ 1574 года, къ разсмотрѣнію котораго мы скоро перейдемъ, шляхтичъ Дзѣржинскій подписывается „*gikoju własnoju*“, а шляхтичъ Дорогостайскій—„*reka własna*“, одинъ изъ Ходкевичей называетъ себя „*Andriej'emъ*“, Тышко—„*Михайлой*“, Корсакъ подписывается „*Sudia*“, а всѣ остальные передѣлываютъ свои имена и должности на польскій ладъ ¹⁾).

Но всего менѣе могли Ходкевичи и Радзивиллы рассчитывать на поддержку литовской аристократіи. Въ этой средѣ не было человека, который имъ не завидовалъ бы и очень многіе считали себя оскорбленными. Когда, на предыдущемъ избирательномъ сеймѣ, литовская партія потребовала возвращенія отнятыхъ у нея русскихъ воеводствъ (Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго), представители этихъ воеводствъ, князь Константинъ Острожскій и другіе, объявили, что они скорѣе согласны идти въ неволю, чѣмъ возвратиться къ Литвѣ. Съ своей стороны, Ходкевичъ и Радзивилъ поспѣшили подать руку польскимъ сенаторамъ, для того только, чтобы не допустить князя Слуцкаго засѣсть въ сенатѣ на основаніи удѣльныхъ привилегій, отмененныхъ люблинскою уніей ²⁾).

Дѣло Слуцкаго и теперь стояло на очереди и вся радзивилловская дипломатія, въ это время, сосредоточивается на томъ, какимъ бы образомъ, не отталкивая Слуцкаго отъ Литвы (что было бы крайне неудобно въ виду предстоявшаго избирательнаго сейма) погнѣшать ему пріобрѣсти какую бы то ни было привилегію. Все это мелко. Но, послѣ люблинской уніи, общественные интересы и національная политика Литвы, какъ и всякаго государства, утратившаго свою самостоятельность, на столько мельчаютъ, что для исторіи этой эпохи, кромѣ подобныхъ интригъ, почти ничего не остается. Характеръ событій измѣняется только при слѣдующемъ поколѣніи, послѣ возникновенія религіознаго вопроса.

Сущность дѣла князя Слуцкаго, какъ кажется, заключалась въ слѣдующемъ. Не имѣя сенаторскаго званія, онъ долженъ былъ, на основаніи люблинской уніи, подавать свой голосъ наравнѣ съ обыкновенною шляхтой. Это казалось обиднымъ для послѣдняго предста-

¹⁾ Р. Н. II. Б., F, 253, польск. конфедерация литовскихъ пановъ по отъѣздѣ Генриха; въ двухъ копіяхъ позднѣйшаго времени.

²⁾ *Orzelski*, I, 63, 92—94, 262; *Вyroжденіе Польши*, 270—273.

вителя знаменитаго удѣльнаго рода. Въ прошедшее безкоролье ему удалось выхлопотать у конвокаціоннаго сейма, составленнаго изъ однихъ Поляковъ, нѣчто въ родѣ дозволенія на мѣсто въ сенатѣ ¹⁾). Но когда онъ хотѣлъ занять его во время избирательнаго сейма, то Ходкевичъ и Радзивилъ воспротивились болѣе всѣхъ, а къ нимъ присоединились и польскіе сенаторы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы князь Слуцкій засѣдалъ въ сенатѣ какъ наслѣдственный членъ, то другіе сенаторы, оставаясь только членами по должности, были бы унижены. Это междоусобіе литовскаго лагеря было причиной, почему литовская аристократія не имѣла никакого значенія на предыдущемъ избира- тельномъ сеймѣ. Урокъ не прошелъ даромъ. Всѣ испытали невзгоды безсилія и поняли, что Литва будетъ безсильною передъ Польшей до тѣхъ поръ, пока будетъ разъединена. Князь Слуцкій, не смотря на обѣщанія Поляковъ потерпѣвшій фіаско въ своихъ домогатель- ствахъ, понялъ, что безъ содѣйствія Ходкевича и Радзивиловъ ему нечего ожидать успѣха. Ходкевичъ и Радзивилъ поняли, что всякій раздоръ въ литовскомъ лагерѣ уменьшилъ бы значеніе ихъ голоса на предстоявшемъ избирательномъ сеймѣ. При этихъ условіяхъ мысль о соглашеніи подвигалась очень быстро. Но болѣе всего ею мучился Николай Крыштофъ. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу своему дядѣ Николаю, воеводѣ Виленскому.

„Помня наставленіе вашей милости, тотчасъ же по приѣздѣ въ Клецкъ, я послалъ пана Маковецкаго сказать князю Слуцкому, что въ случаѣ если онъ хочетъ вступить съ в. м. въ союзъ и если онъ еще ни съ кѣмъ не заключалъ союза, пусть трактуетъ черезъ мое по- средство, а не черезъ кого-нибудь другаго. Онъ отвѣтилъ, что еще ни съ кѣмъ не договаривался, и что всего охотнѣе соединится съ в. м. При этомъ, онъ наговорилъ много комплиментовъ вамъ и всему радзивиловскому дому и прибавилъ, что, при вашемъ посредствѣ, хочетъ соединиться и съ напомиъ виленскимъ (Ходкевичемъ), который, съ своей стороны, уже въ немъ заискиваетъ. В. м. тоже согласны на союзъ Слуцкаго съ Ходкевичемъ хотя, — дѣло ясно, — жезлъ великаго маршала будетъ здѣсь помѣхой ²⁾). Какъ бы то ни было,

¹⁾ *Orzelski*, I. 92.

²⁾ Эта фраза, кажется, должна быть понята такимъ образомъ: Великимъ литовскимъ маршаломъ былъ въ это время Ходкевичъ. Не обѣщалъ ли онъ передать свою должность Слуцкому для того, чтобы легально ввести его въ польско-литовскій сенатъ, или не намѣревались ли Радзивилы предложить по- добную сдѣлку? Слуцкій вошелъ бы въ такомъ случаѣ въ сенатъ не въ каче-

въ отсутствіе в. м. мнѣ болѣе ничего не оставалось какъ только помазать по губамъ этого Слуцкаго (a jawnie teraz in absentia pana W. M.—sei z nim isc na udry, jakom nie radzil, tak radzic nie będe). Знаю, что в. м. и безъ моего совѣта не станете дѣйствовать напрямикъ (aperte z nim nie zaszniiesz), потому что отъ этого пострадало бы наше литовское дѣло, но все-таки пусть соглашеніе Слуцкаго съ Ходкевичемъ совершится при вашемъ участіи; при этомъ можно будетъ дать понять, что тому, кто нарушилъ присягу на союзъ съ Глѣбовичемъ, можно отплатить тою же монетою (?).... Здѣсь в. м. открывается обширное поле (a tu przecie zostanie W. M.—sei latissimus campus), для отмщенія старостъ (Ходкевичу?) за всѣ его обиды ¹⁾. Надо только не испугать его чѣмъ-нибудь, чтобы онъ, съ своей стороны, не подвелъ мины (ze może na owo wypiscz ars deludetur arte)....

„Слуцкій очень радъ, что соглашеніе будетъ идти черезъ меня, какъ черезъ родственника обѣихъ сторонъ. Одно только его беспокоитъ (и онъ высказалъ это передъ паномъ Маковецкимъ): кто-то къ нему пишетъ, называя себя уполномоченнымъ в. м. для заключенія союза. Князь говорилъ, что можетъ и письмо показать. Не знаю, кто бы могъ это сдѣлать и не вѣрю этому. Но у Слуцкаго, въ это время, видѣли слугу нана крайчаго ²⁾. Во всякомъ случаѣ, если бы в. м. пану крайчему, или кому бы то ни было дали порученіе касательно соглашенія съ княземъ Слуцкимъ, то я ничего противъ этого не имѣю (quid meo interest wolno to W. M.—sci). Я прошу только не ставить меня въ смѣшное положеніе (abych ja nie byl ludibrio) въ случаѣ, если кому нибудь уже дано порученіе касательно Слуцкаго. Я не хочу мѣшаться въ такое дѣло, которое идетъ и безъ меня. Всѣмъ и каждому желаю привести в. м. къ соглашенію со Слуцкимъ; но если людямъ болѣе умнымъ удастся это сдѣлать, то къ чему же мѣшаться мнѣ, глупому. Во всякомъ случаѣ буду ждать

ствѣ наследственнаго члена, чего онъ добивался въ прошедшее безкровоеніе и что было совершенно невозможно, но какъ члена по должности. Отказы отъ должностей въ пользу известнаго лица весьма обыкновенны въ польской исторіи.

¹⁾ Надобно замѣтить, что Хоткевичи и Радзивиллы не только возбуждали зависть къ другимъ литовскимъ аристократамъ, но другъ къ другу относились съ недоверіемъ. Обѣ фамиліи, почти равныя по богатству, знатности и вліянію на страну, соперничали между собой.

²⁾ Крыштофа Радзивила, троюроднаго брата Сиротки, сына воеводы виленскаго, къ которому адресовано письмо.

отвѣта в. м. въ той увѣренности, что если я глупъ, то в. м. научите меня, что я долженъ дѣлать. Если же я такъ неспособенъ (*gudis*), что и наука не поможетъ, — буду смотрѣть со стороны и учиться.

„Поэтому я прошу в. м. дать мнѣ обстоятельный отвѣтъ, въ особенности о томъ, какія надежды долженъ я дать Слуцкому, касательно его соглашенія съ Ходкевичемъ? Постараюсь также убѣдить его, согласно желанію в. м., пріѣхать для свиданія съ вами или въ Несвижъ, или въ Клецкъ, или ко мнѣ. Пока не получу отвѣта, не буду съ нимъ видѣться. Пану Маковецкому онъ высказалъ свое желаніе, чтобы соглашеніе состоялось передъ вилнскимъ съѣздомъ, такъ, чтобы онъ уже могъ занять на немъ свое мѣсто (*aby tam już miejsce swe mógł być zasięść*). Но когда ему объяснили, что это никакимъ образомъ не можетъ состояться, какъ по причинѣ вашей болѣзни, такъ и потому, что не терпяція отлагательства дѣла мѣшаютъ немедленному свиданію, онъ на все согласился (*ale gdym to wskazał że żadna miara przez pilne potrzeby W. M—sci i dla tego zem zachorzał, tedy kontent wszystkiem*) и намѣренъ черезъ меня обо всемъ переговорить съ вашей милостью. Еще разъ усерднѣйше прошу: если кто другой уже началъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, то пусть съ Божіею помощію и идетъ къ желаемому концу; а я съумѣю принорочиться къ этому.

„Чуть было не забылъ просить в. м. научить меня, что долженъ я отвѣчать въ случаѣ, если князь Слуцкій спроситъ: будетъ ли в. м. поддерживать его дѣло въ польскомъ сенатѣ? Помнится, онъ говорилъ, что если в. м. не удастся осилить польскихъ аристократовъ (*w radzie polskiej nicnie przemożę*), то надо разорвать унію. Разумѣется, в. м. не согласитесь, чтобы изъ за его кресла (*mieśca*) произошелъ разрывъ съ Польшей. Но что же долженъ я обѣщать ему? О всемъ этомъ прошу поскорѣе меня увѣдомить“ ¹⁾.

Въ этомъ письмѣ „вся Литва“, то есть та Литва, которая ѣздила на сеймы, стояла въ оппозиціи Люблинской уніи, искала придворныхъ должностей и, при всякомъ удобномъ случаѣ, жаловалась на свою участь. Радзивиллы не прочь подставить ногу Ходкевичу; Радзивиллы и Ходкевичъ притворяются, чтобы обмануть Слуцкаго; Слуцкій въ сущности ничего не имѣетъ противъ уніи Литовскаго княжества съ

¹⁾ Р. И. П. Б. F, 185, польск. письмо изъ Клецка 17-го сентября 1574.

польскою короной, однако, онъ не прочь уничтожить эту унію, если Поляки не дадутъ ему мѣста въ сенатѣ...

Съѣздъ, о которомъ говорится въ приведенномъ выше письмѣ Николая Крыштофа, состоялся 1 ноября 1574 года въ Варшавѣ. На немъ участвовало только двадцать шесть членовъ, въ томъ числѣ Николай Пацъ, епископъ кievскій, и Павелъ Сапѣга, каштелянъ кievскій. Слудяго не было. Участіе должностныхъ лицъ кievскаго воеводства, на основаніи уніи инкорпорированнаго въ составъ собственно Польши (Когона), можетъ быть объяснено какъ тѣмъ, что Пацъ и Сапѣга хотѣли высказать протестъ противъ уніи, такъ и тѣмъ, что они сочли нужнымъ появиться на литовскомъ съѣздѣ какъ крупные литовскіе землевладѣльцы. Въ подписяхъ лицъ, участвовавшихъ на съѣздѣ, какъ мы уже сказали, проглядываетъ если не русская грамота, то русское произношеніе (*sudia*, *Michailo* и т. д.). Разногласія не было. Рѣшили на предстоящемъ избирательномъ сеймѣ подать голоса за Эрнеста, сына императора Максимилиана. „Если бы, говорить актъ конфедераціи литовскихъ пановъ, кто-нибудь изъ Поляковъ или Литвы выбралъ короля помимо Эрнеста, и этимъ нарушилъ бы наши вольности, то, хотя бы это стоило намъ жизни, мы ни въ какомъ случаѣ не уступимъ, а присоединимся къ тѣмъ, кто подастъ голосъ за Эрнеста“. Конфедерація не уничтожится даже въ случаѣ, еслибы самъ Эрнестъ отказался отъ избранія или не выполнилъ принятыхъ условій. Тогда участники пастоящаго съѣзда, тамъ же, на мѣстѣ избранія, совѣщаются и только по взаимному согласію уничтожаютъ обязательство.

Заключеніе литовской конфедераціи довольно оригинально. Участники съѣзда взаимно обязываются склонить „свою братью и пріятелей Литовскаго народа“ къ тому, чтобы они подписывали ее и предлагали печати; что же касается до „пріятелей изъ другихъ народовъ“, то таковыхъ слѣдуетъ убѣждать подавать свой голосъ за Эрнеста, „но этой конфедераціи имъ не показывать“ ¹⁾.

¹⁾ Р. И. И. Б., F, 253, польск. Здѣсь находится не подлинникъ Литовской конфедераціи, но двѣ копии, писанныя въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ русскихъ именахъ слова писаны польскими буквами, но такъ какъ, въ то же время, сохраняется русское произношеніе, то можно предположить, что въ оригиналѣ они были написаны русскими буквами. Вотъ имена пановъ, подписавшихъ виленскую конфедерацію: 1) Николай Пацъ епископъ виленскій, 2) Николай Радзивилъ воевода виленскій, 3) Янъ Карлъ Ходкевичъ каштелянъ виленскій, 4) Евстацій Воловичъ каштелянъ троцкій, 5) Станиславъ Пацъ воевода витебскій, 6) Павелъ Сапѣга

Послѣднее совершенно понятно. Участники конфедераціи сами сознавали, что, предпрѣвая избирательный вопросъ, они поступаютъ незаконно съ точки зрѣнія польской конституціи, основанной на единогласіи. Слѣдуетъ замѣтить, что польскій конвокаціонный сеймъ, собравшійся въ августѣ этого года въ Варшавѣ, не рѣшился объявить Генриха низложеннымъ, между прочимъ потому, что не зналъ какъ посмотреть на этотъ вопросъ Литва и Пруссія ¹⁾ Литва же, въ лицѣ нѣсколькихъ магнатовъ, съѣхавшихся въ Вильнѣ, избираетъ эрцгерцога Эрнеста прежде, чѣмъ въ Польшѣ приступили къ обсужденію самого вопроса о кандидатахъ, и прибавляетъ къ этому, что „если бы кто нибудь изъ Поляковъ или Литвы выбралъ короля помимо Эрнеста“, то этимъ будутъ нарушены ихъ вольности и права! А эти двадцать шесть человѣкъ, выбирая Эрнеста, безъ вѣдома Поляковъ, русскихъ воеводствъ, Пруссіи и остальной Литвы, развѣ

каштелянъ кіевскій, 7) Юрій Зяновичъ каштелянъ полоцкій, 8) Николай Крыштофъ Радзивилъ, 9) Крыштофъ Радзивилъ, 10) Станиславъ Подбарезскій, 11) Станиславъ Дзержинскій, 12) Янъ Кишка, 13) Францискъ..... 14) Искстийнъ Ярославовичъ, 15) Николай Олехновичъ Дорогостайскій, 16) Андрей Ходкевичъ Подчашій, 17) Лаврикъ Война, 18) Мельхиоръ..... 19) Александръ Ходкевичъ староста Гродзѣнскій, 20) Лукашъ Свирскій, 21) Янъ Николай Ясенскій подкоморій виленьскій, 22) Іозефъ Корсакъ судья полоцкій, 23) Юрій..... подкоморій волковыскій, 24) Янушъ Олендскій, 25) Янъ Михайло Тышко, 26) Григорій..... Ни одного стариннаго княжескаго имени, въ родѣ Слуцкаго, Острожскаго и другихъ, которое могло бы служить на сѣздѣ представителемъ удѣльной партіи.

¹⁾ Литовскіе магнаты явились въ Варшавѣ во время конвокаціоннаго сейма своихъ агентовъ, уведомившихъ ихъ обо всемъ, что здѣсь дѣлается, но сами ограничились присылкою письма, въ которомъ высказались за признаніе Генриха королемъ и отправленіе къ нему посольства (Р. И. П. Б., *F*, 181, польск. письмо 26-го сентября 1574 г.; *Orszelski*, II, 43). Пруссаки, нѣсколькими днями поздиѣ отбыли свой сѣздъ въ Торнѣ, на которомъ объявили Полякамъ, что такъ какъ ихъ не пригласили на генеральную конвокацію, то они не согласны на ея опредѣленія, не хотятъ имъ посольства къ Генриху, ни новой элекціи (*Orszelski*, II, 54). Послы русскихъ воеводствъ прибыли довольно поздно и можно сомнѣваться, чтобы они оставались здѣсь до конца, потому что извѣстіе о Татаряхъ заставило ихъ спѣшить домой (тамъ же, 36). Повтому варшавская конвокація 1574 составляетъ исключительно польскій продуктъ. По обыкновенію польскихъ сеймовъ, здѣсь не пришли ни къ какому практическому рѣшенію. Но интересно, что оставили безъ разрѣшенія самый важный вопросъ минуты: «что такое въ Польшѣ, король или безкроевье?» сеймъ весьма здраво мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что положительное рѣшеніе могло бы вызвать неудовольствіе въ другихъ частяхъ государства, не имѣвшихъ на сеймѣ своихъ представителей.

не нарушаютъ ничьихъ вольностей и правъ? Не значило ли это мѣрять на разныхъ мѣрки свои и чужіе поступки? Впрочемъ, нельзя строго осуждать литовскихъ магнатовъ за такое закулисное избраніе Эрнста. Событія прошедшаго безкоролевья и недавней конвокаціи должны были убѣдить Литву въ томъ, что польская шляхта будетъ много разсуждать объ избраніи и никогда не согласится кого выбрать. Нельзя же требовать отъ людей, чтобы они начинали хромать только потому, что другіе дѣйствительно хромають. Надо же было Литвѣ заранѣе позаботиться о своихъ интересахъ и воспользоваться естественными преимуществами, заключавшимися въ малочисленности литовской шляхты, въ покорности магнатамъ и болѣе спокойномъ національномъ характерѣ.

Почему же выборъ Литвы остановился на эрцгерцогѣ Эрнестѣ? Мы указали въ другомъ мѣстѣ на общія причины, въ силу которыхъ, какъ польская, такъ и литовская аристократія поддерживала австрійскую кандидатуру ¹⁾. Онѣ заключались въ томъ, что нигдѣ, въ цѣлой Европѣ, высшая аристократія не занимала такого блестящаго внѣшняго положенія, какъ въ Германскомъ союзѣ, гдѣ она пользовалась правами владѣтельныхъ особъ; за Австрію стояло католическое духовенство; наконецъ, за Австрію же говорило и то, что вмѣстѣ преклонившись передъ императоромъ, Польша и Литва будутъ совершенно равны, между тѣмъ какъ теперь, на каждомъ шагѣ, чувствуется подчиненіе литовскихъ интересовъ польскимъ. Но, кромѣ этихъ общихъ причинъ, Ходкевичи и Радзивилы имѣли свои, такъ сказать, семейныя причины благопріятствовать австрійской кандидатурѣ. Радзивилы получили отъ императора титулъ князей священной-римской имперіи. Ходкевичи хотя и не удостоились этой чести, но глава фамиліи, Янъ Іеронимовичъ, провелъ свои молодые годы при дворѣ Карла V, возвратился въ Польшу съ его рекомендательными письмами ²⁾ и, безъ сомнѣнія, не желалъ прервать заключенныя въ это время связи. Онѣ пригодились впоследствии его знаменитому сыну. Самъ эрцгерцогъ Эрнестъ былъ крестникомъ Николая Радзивила (Чернаго), отца Сиротки и двоюроднаго брата виленскаго воеводы.

Мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что подъ актомъ виленской конфедераціи не встрѣчается имени Слуцкаго. Это тѣмъ болѣе странно, что, какъ мы видѣли выше, и другіе хо-

¹⁾ *Вывожденіе Польши*, 243—245.

²⁾ *Naruszewicz* «*Historia Jana Karla Chodkiewicza*», 337.

тѣли втянуть его на виленскій съѣздъ, и самъ онъ желалъ въ немъ участвовать. По всей вѣроятности, Радзивилы и Ходкевичъ замѣтивъ, что шансы избранія эрцгерцога Эрнеста на польско-литовскій престолъ на столько велики, что можно не опасаться оппозиціи Слуцкаго, перестали за нимъ ухаживать. Но могло случиться и другое. Изъ слѣдующаго письма Николая Крыштофа къ дядѣ видно, что въ это дѣло вмѣшались князья Курбскій (Krupski) и Острожскій (Ostrowski). Не убѣдили ли они претендента на наслѣдственное сенаторство въ неискренности Радзивиловъ, въ томъ, что вся комедія соглашенія затѣвается въ видахъ „радзивиловскаго дома“ и что, достигнувъ своихъ фамилныхъ цѣлей, они бросить Слуцкаго какъ безполезное орудіе? Но, какая бы ни была причина, холодность замѣчается съ обѣихъ сторонъ. Николай Крыштофъ, которому очень нравилась роль миротворца, изъ себя выходитъ, старался убѣдить дядю въ необходимости соглашенія „не ради этихъ дураковъ (nie dla tych błazniów), но для блага республики“ ¹⁾. Литовское посольство въ Польшу, между прочимъ, заявило о правахъ Слуцкаго засѣдать въ сенатѣ. На это послѣдовалъ самый неопредѣленный отвѣтъ: „Пусть князь Слуцкій самъ прійдетъ на сеймъ, тогда поговоримъ о его дѣлѣ“. Слуцкій не пріѣхалъ, предоставивъ говорить за себя какимъ-то „литовскимъ сенаторамъ“. Тѣ мимоходомъ упомянули о его претензіяхъ и болѣе не возвращались къ этому вопросу ²⁾.

По постановленію варшавскаго конвокаціоннаго сейма 1574 года. будущій сеймъ назначенъ былъ на 12-е мая слѣдующаго года въ Стенжицѣ, съ тѣмъ, что если, къ этому времени, король Генрихъ не пріѣдетъ и не выполнитъ всѣхъ принятыхъ имъ на себя въ „условіяхъ избранія“ (pacta conventa) обязательствъ, то на этомъ же сеймѣ будетъ избранъ новый король. „Каждый обязывается присягой, честнымъ именемъ и честнымъ словомъ признавать законнымъ государемъ избраннаго вновь короля и не обращать болѣе вниманія ни на какія обѣщанія Генриха, отговорки, оттягиваніе дѣла и удерживаніе пословъ“ ³⁾. Примасъ Уханскій оповѣстилъ объ этомъ рѣшеніи во всѣхъ частяхъ государства. Генрихъ не пріѣхалъ. Такимъ образомъ, къ назначенному сроку, по различнымъ дорогамъ въ Стенжицу—не-

¹⁾ Р. И. Л. Б., F, 185, польск. Письмо изъ Мира 24-го января 1575 г. Переписчикъ надѣлалъ много ошибокъ.

²⁾ Heidenstein, I, 162, 178.

³⁾ Orzelski, II, 45; Heidenstein, I, 159.

значительный городъ сендомирскаго воеводства, — тянулись обозы павозъ, колымки простой шляхты, военные отряды магнатовъ. Толпа на сеймѣ была многочисленна, но шляхты мало. Ожельскій говоритъ, что пріѣхала едва десятая часть сравнительно съ предыдущимъ сеймомъ, на которомъ былъ избранъ Генрихъ ¹⁾. Малочисленность эта объясняется тѣмъ, что мѣсто сейма было назначено не около Варшавы, въ центрѣ мазовецкаго элемента, какъ было два года тому назадъ, а въ Малой Польшѣ, въ сендомирскомъ воеводствѣ, гдѣ шляхты было менѣе, и гдѣ она была зажиточнѣе. Здѣсь не могли повториться, рѣшившіе предыдущее избраніе, походы мелкой мазовецкой шляхты, являвшейся на сеймъ огромными толпами рано утромъ, а вечеромъ уходившей домой для того, чтобы завтра, съ косою или плугомъ, выйти въ поле ²⁾.

Пруссаки, то-есть, жители сѣверныхъ провинцій Польши, не пріѣхали на сеймъ, а прислали вмѣсто себя Яна Дульскаго, каштеляна хельмскаго. Ожельскій объясняетъ этотъ поступокъ врожденною Нѣмцамъ скупостью и скорбять о подобномъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ ³⁾. Съ такимъ объясненіемъ нельзя согласиться; причина лежитъ гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что значительную часть населенія сѣверныхъ провинцій составляли Нѣмцы и протестанты; кромѣ того, въ сѣверныхъ воеводствахъ городское сословіе, на основаніи закона, пользовалось гораздо болѣе значеніемъ, чѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сѣверные бюргеры вносили въ общественную жизнь духъ порядка и стремленія къ практичности. Отсюда происходитъ тотъ фактъ, что населеніе сѣверныхъ провинцій вообще гораздо практичнѣе смотрѣло на государственные вопросы, чѣмъ населеніе собственно польскихъ воеводствъ.

Отъ этого прусскіе сеймики и сѣяды кончаются въ нѣсколько дней, въ то время, когда польскіе тянутся по нѣскольку недѣль и ничѣмъ не кончаются. Пруссаки настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль, издалика готовятъ защиту Данцига, въ теченіе полугода сопротивляются Баторію, имѣютъ прочныя связи съ Германіей и, на всякій случай, строятъ укрѣпленія, а Поляки никакъ не сумѣютъ обезпечить свои русскія воеводства отъ постоянныхъ нападеній нестройной толпы крымскихъ разбойниковъ. Наконецъ — и это едвали

¹⁾ *Orszelski*, II, 90.

²⁾ *Вырожденіе Польши*, 266.

³⁾ *Orszelski*, II, 106.

не самая главная этнографическая особенность—прусскія воеводства, при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣлають попытки обратить нелѣпныя, по своему устройству, польскіе сеймы въ обыкновенное представительное учрежденіе, составленное изъ депутатовъ, заправляющихъ государственными дѣлами, а Поляки, напротивъ, окончательно приходятъ къ убѣжденію въ томъ, что посполитое рушеніе босопогой шляхты на избирательный сеймъ вмѣщаетъ всю мудрость государственнаго самоуправленія.

На сеймъ также не было никого изъ брестской и иновроцлавской шляхты. Даже мѣстные воеводы отсутствовали. Это было тѣмъ болѣе неожиданно, что на мѣстномъ сеймикѣ, предшествовавшемъ избирательному сейму, шляхта этихъ воеводствъ съ энтузіазмомъ приговорила: всѣмъ поголовно двинуться на избирательный сеймъ въ Стенжицу, „потому что всѣ должны присутствовать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общемъ благѣ“. Но вмѣсто посполитаго рушенія въ Стенжицу брестская и иновроцлавская шляхта поголовно двинулась въ Торшъ и разграбила соль, противузаконно подаренную Генрихомъ воеводѣ Кротовскому. Такъ какъ въ это время не было подвоза соли ни изъ Руси, ни изъ за границы, то шляхта, поживившаяся на счетъ воеводы, продавала ее впослѣдствіи съ большимъ барышомъ ¹⁾).

Литвины, по обыкновенію, пріѣхали поздно, стали особнякомъ и не принимали дѣятельнаго участія въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые прямо до нихъ не касались. Прежде всего пріѣхалъ Николай Крыштофъ Радзивилъ, постарался вывѣдать расположеніе умовъ, отношеніе партій и поспѣшилъ сообщить все, do ręk własnych (изъ собственныхъ руки) своему дядѣ ²⁾). Потомъ пріѣхали: Ходкевичъ каштелянъ виленскій, Радзивилъ воевода виленскій, Воловичъ и другіе. Все имъ не нравилось, всѣмъ они были недовольны. Это поколѣніе литовской аристократіи, предшествовавшее тому поколѣнію, которое окончательно усвоило польскій языкъ, нравы, религію и взглядъ на вещи, во многомъ напоминаетъ отставныхъ вельможъ екатерининскаго царствованія, рѣзко осуждавшихъ существующій порядокъ, но, въ тайнѣ ему сочувствовавшихъ, потому что, въ концѣ концовъ, этотъ порядокъ для нихъ выгоденъ. Они вѣчно жалуются, но никогда не доведутъ до разрыва. Поляки очень хорошо слышали эту фальшивую ноту въ поведеніи Литвы и иронически замѣчали: „страшный народъ эта

¹⁾ *Orszelski*, II, 79, 106.

²⁾ *Р. И. П. Б.*, F, 185, польск. Письмо отъ 18-го марта 1575 г.

Литва; когда надо дѣлить выгоды и почести, она хочет во всемъ равняться Польшѣ, когда же приходится платить или защищаться отъ непріятеля, она опять дѣлается небольшою землею¹⁾.

На Стенжицкомъ сеймѣ литовской аристократіи пришлось вынести не легкое испытаніе. Никогда еще симпатіи къ Московскому государству не высказывались съ такою ясностью, какъ на этомъ сеймѣ. Польская шляхта почему-то думала, что московскій царь, какъ кандидатъ на польскій тронъ, сдѣлаетъ самое выгодное предложеніе и всѣми мѣрами благопріятствовала идеѣ сближенія съ Московскимъ государствомъ. Прежде всего польская шляхта обратилась къ маршалу Ополинскому съ просьбой приготовить для московскаго посла приличное помѣщеніе. Вслѣдъ за тѣмъ разнесся слухъ, что московскаго посла задержали гдѣ-то въ Литвѣ. Польская шляхта обратилась къ сенату съ жалобой на такое нарушеніе международнаго права²⁾. Опасенія польской шляхты на счетъ судьбы московскаго посольства были совершенно основательны. Ходкевичъ, раздосадованный постоянными вопросами о немъ, однажды проговорился: „былъ московскій посолъ; онъ вырвался теперь изъ какого-то литовскаго замка и спѣшитъ въ Стенжицу“...³⁾. Ходкевичъ, или не желалъ входить въ дальнѣйшія объясненія, или самъ многого не зналъ. Николай Крыштофъ Радзивиллъ зналъ гораздо болѣе и, кромѣ того, имѣлъ совершенно опредѣленные намѣренія относительно личности московскаго посла. „Мы разсуждали“, пишетъ онъ дядѣ,—„что слѣдовало бы дать московскому гонцу какую-нибудь такую пилюльку, которая помѣшала бы ему добраться до Стенжицы. Эта мысль намъ понравилась. Не знаю, понравится ли она вашей милости. Во всякомъ случаѣ, вашей милости, будучи гетманомъ, часто случалось потихоньку отправлять ихъ къ праотцамъ. Что могло бы этому помѣшать?... Для пользы отечества позволительно сбыть съ рукъ мошенника-Москвича, давши ему чего-нибудь съѣсть, а послѣ свалить всю вину на то, что, пьяный, онъ умеръ отъ апоплексіи. Если эта мысль понравится вашей милости, то посовѣтуйте, кого бы послать на это дѣло? Надо потребовать отъ него присягу въ томъ, что все будетъ шито и крыто“⁴⁾.

¹⁾ *Incidenstein*, I, 187.

²⁾ *Orszelski*, II, 107.

³⁾ *Nato odrzekł kosztelan wileński, że posel ten wyrwał się z jakiegoś zamku litewskiego i pędzi do Stężycy.* (*Orszelski*, II, 110).

⁴⁾ *Р. И. И. Б.*, F, 185, польск.; текстъ письма см. *Вывожденіе Польши*, 71.

Но, или такой энергическій способъ отдѣливаться отъ непріятныхъ личностей былъ не въ характерѣ воеводы, или московскій человѣкъ былъ очень остороженъ и на пилюли не давался, но только гонецъ благополучно пріѣхалъ въ Стенжицу и 20-го мая торжественно былъ введенъ въ сенатъ. Шляхта слушала его съ величайшимъ вниманіемъ и знаками уваженія ¹⁾. Но это былъ не посолъ, котораго желала видѣть шляхта, а простой гонецъ Ельчаниновъ; люди его были плохо одѣты, свита малочисленна; самому ему было поручено просить опасную грамоту для великихъ пословъ, которые пріѣдутъ поздравить короля Генриха съ возшествіемъ на престолъ, — и только.

„Не пастрицій посолъ—разнеслось по рядамъ шляхты; настоящіе послы задержаны въ Литвѣ; у нихъ царская грамота; отъ нихъ мы услышимъ прямые посольскія рѣчи“. Въ то же время появилось апокрифическое письмо, въ которомъ польскій шляхтичъ Граевскій описываетъ свой разговоръ съ великимъ княземъ. „Недавно“, пишетъ Граевскій своему брату, посылалъ я въ Москву, съ вѣрными купцами, дорогой товаръ въ продажу. Великій князь приказалъ конфисковать этотъ товаръ за неуплату какихъ-то пошлинъ. Я поѣхалъ въ Москву просить великаго князя возвратить мнѣ товары или вознаградить за убытки. Великій князь, узнавъ, что конфискованный товаръ принадлежитъ не купцу, а польскому шляхтичу, тотчасъ приказалъ все возвратить. Потомъ меня призвали къ великому князю. „Отчего, спрашиваетъ онъ меня, Поляки всегда такъ поздно отпускаютъ моихъ пословъ? Не задержали ли они ихъ и теперь? До сихъ поръ не имѣю никакихъ вѣстей“. Я отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаю. Тогда великій князь, показывая, что онъ очень беспокоится о своихъ послахъ, спросилъ меня, не возьмусь ли я доставить въ Польшу его письма такого же содержанія, какъ я отданныя посламъ? „Тебѣ, сказалъ великій князь, какъ мѣстному жителю, гораздо легче проѣхать чѣмъ нашему голицу“. Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить его порученіе, если только въ письмахъ не будетъ ничего оскорбительнаго для меня и для моего народа. Тогда великій князь вручилъ мнѣ слѣдующія статьи, съ тѣмъ, чтобы я прочиталъ ихъ Полякамъ на избирательномъ сеймѣ: „Великій князь московскій ищетъ славной польской короны не изъ жажды власти и богатства. У него довольно и того и другаго. Прежде всего онъ имѣетъ въ виду союзъ противъ турецкаго тирана, этого общаго врага христіанъ, жаждущаго ихъ по-

¹⁾ *Orszelski*, II, 113.

гибели. Великій князь желаетъ связать свои народы съ Польшей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ нѣкогда Ягелло соединилъ съ Польшей Литву. Великій князь предлагаетъ свое стараніе, свою кавву и свое личное начальство для борьбы со врагомъ христіанства. Великій князь держится греческаго обряда, котораго держались его прародители и не отступить отъ него до тѣхъ поръ, пока ему не докажутъ преимуществъ другой вѣры. Чтобы выяснитъ эту истинную вѣру, надо назначить публичный диспутъ. Великій князь такъ довѣряетъ добродѣтели и славу Поляковъ, что если ему дадутъ охранную грамоту, самъ пріѣдетъ въ Польшу, чтобы лично условиться о принятіи польской короны, о вѣчномъ мирѣ и союзѣ между Польшей и Москвою. Великій князь надѣется, что Поляки отпустятъ его назадъ въ Москву согласно охранной грамотѣ¹⁾. Я охотно взялся, продолжаетъ Граевскій, доставить въ Польшу всѣ эти условія, пріятныя Богу и самыя выгодныя для Поляковъ; я спѣшилъ, чтобы поскорѣе увѣдомить Поляковъ и уже былъ въ Литвѣ. Но Литвины поступили со мной хуже всякихъ варваровъ. Въ Дриссѣ меня поймали и, по приказанію виленскаго воеводы Радзивила, посадили въ тюрьму. Деньги и дорогіе товары у меня отняты. Пишу къ тебѣ, дорогой братъ, изъ тюрьмы. Даже и въ настоящемъ ужасномъ положеніи я не забываю своихъ обязанностей къ республикѣ. Увѣдомляю тебя о данномъ мнѣ порученіи и о жестокости Литвиновъ. Терплю невинно¹⁾).

Очевидно, что это письмо было: или написано въ Стенжицѣ отъ имени Граевского, то-есть, было подложно, или было написано самимъ Граевскимъ и заключало въ себѣ заведомую ложь. При всей непоследовательности Ивана Грознаго, онъ не могъ на столько увлечься польскою короной, чтобы присоединить къ ней свое родовое Московское государство „на тѣхъ условіяхъ, на какихъ Ягелло нѣкогда присоединилъ Литву“. Невѣроятно также, чтобы, при переговорахъ о польской коронѣ, онъ согласился обойти дипломатическій этикетъ, то-есть, избрать въ посредники случайно захвачшаго въ Москву польскаго шляхтича. Вся фабула письма Граевского придумана, по всей вѣроятности, только для того, чтобы заинтересовать сеймъ его особой и вызвать ходатайство объ его освобожденіи. Но историческая жизнь народа проявляется не только въ томъ, что составляетъ абсолютную правду, но и въ тѣхъ фантазіяхъ, которыя дѣйствуютъ на массу и находятъ вѣру въ сердцахъ современниковъ. Въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Orzelski, II, 115.

важно не то, могъ ли Иванъ Грозный вести переговоры черезъ Граевскаго и предлагать условія, описанныя въ вышеприведенномъ письмѣ, а то, что для возбужденія интереса къ своему положенію, друзья Граевскаго не могли придумать ничего лучшаго, какъ выставить его страдальцемъ за идею соединенія съ Московскимъ государствомъ. Письмо читалось и комментировалось; Граевскій сдѣлался героемъ дня. Его московская поѣздка какъ нельзя лучше подошла къ общему настроенію польской шляхты, къ тому, что она желала видѣть и чего смутно ожидала. Цѣль его была достигнута—сеймъ ходатайствовалъ за него передъ литовскими магнатами.

Отчасти въ виду ясно высказавшагося расположенія шляхты къ московской кандидатурѣ, отчасти для того, чтобы усыпить опаснаго врага, польскіе и литовскіе магнаты тоже начали заискивать у царя. Архіепископъ Уханскій прислалъ Ельчанинову образцы грамотъ, какія царь долженъ былъ писать къ духовенству, къ панамъ, ко всей шляхтѣ и къ каждому пану въ особенности. Предполагалось, что царь напишетъ одному изъ вельможъ въ такомъ тонѣ: „Ты меня знаешь и я тебя знаю; ты богатъ, но я не богатствъ твоихъ хочу; хочу имѣть тебя своимъ пріятелемъ, потому что ты умный человѣкъ, на всякія дѣла умѣешь совѣтовать; съ тобою и большихъ богатствъ добудешь“. Уханскій, до страсти увлекавшійся химерическими планами ¹⁾, могъ повѣрить въ возможность избранія Грознаго въ польскіе короли, но интересно, что каштелянъ виленскій, Янъ Ходкевичъ, исконный врагъ Москвы и Ивана Грознаго, тоже поспѣшилъ войти въ переговоры съ Ельчаниновымъ. На тайномъ свиданіи онъ повелъ такую рѣчь; пусть бы государь прислалъ къ намъ, въ Литву, посланника своего добраго и писалъ бы намъ порознь свое жалованное слово, — воеводѣ виленскому (Ник. Радзивилу) грамоту, а мнѣ другую, а пану Троцкому (Евстафію Воловичу) третью, четвертую—маршалу надворному (Радзивилу-Сироткѣ), а пятую — всему рыцарству. Посланника прислалъ бы не мѣшка, а королю Генриху у насъ не быть... Своей вины передъ государемъ не вѣдаю, а государь ко мнѣ не отпишетъ, ни въ какихъ дѣлахъ служить не велитъ. А мы всѣ, Литва, государя желаемъ на государство, потому что наша вѣра съ московскою вѣрой лучше сошлась и намъ безмѣрно досадно, что Поляки, мимо насъ, хотятъ государя просить на государство ²⁾...

¹⁾ Объ Уханскомъ см. *Выврожденіе Польши*, 112—117.

²⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., VII, 332—345.

Каштелянъ, конечно, не забылъ про постановленіе литовской конфедерации 1-го ноября прошедшаго года, но ему надо было, во что бы то ни стало, расположить Ивана Грознаго въ пользу Литвы. Его поведеніе какъ нельзя лучше характеризуется письмомъ Филона Кмита, старосты оршанскаго, завѣдывавшаго пограничными сношеніями и имѣвшаго въ Московскомъ государствѣ своихъ шпионовъ, слѣдовательно, человека компетентнаго въ литовско-московской политикѣ. „Коли утопали“, пишетъ Филонъ Кмита, — „топоръ давали, а выплывши—ни топориза; солгавши спаслися; бо безъ напасти отъ него (Ивана Грознаго) не быть; а sprawy и потужности наши якіе были—Богъ вѣдаетъ и ваша милость сами“¹⁾. Письмо это хотя и писано Кмитомъ по поводу событій перваго безкоролевья (1-го іюня 1574 г.), не оно не утратило своего значенія и для втораго. „Солгавши—спаслися“—въ этомъ вся мудрость литовской дипломатіи по отношенію къ Москвѣ.

Стенжицкій сеймъ кончился неудачно. Партіи никакъ не могли согласиться на счетъ кандидата. Одни хотѣли, во что бы то ни стало, возвести на престолъ императора Максимилиана или его сына, другіе были согласны на всякаго, лишь бы только не на Австрійца. Большинство сената и вся Литва стояли за австрійскую кандидатуру, множество шляхты и нѣсколько сенаторовъ, искавшихъ популярности,—напримѣръ, Зборовскій, воевода краковскій,—отдѣлились въ особый лагерь и когда попытки къ соглашенію не удались, рѣшились разѣхаться, то есть, сорвать сеймъ. Зборовскій составилъ даже нѣчто въ родѣ инструкции по части срыванія сеймовъ, и вообще можно сказать, что если стенжицкій сеймъ не остался безъ всякаго слѣда въ исторіи польской конституціи, то слѣдъ этотъ заключается въ томъ, что вопросъ о правѣ меньшинства сорвать сеймъ въ первый разъ былъ юридически поставленъ на стенжицкомъ сеймѣ и обычай этотъ съ того времени окончательно входитъ въ польскіе нравы.

6-го іюня депутаты разѣхавшихся явились въ сенатъ для того, чтобы, согласно съ инструкціей, принять сообще со сторонниками австрійской кандидатуры мѣры къ защитѣ государственнаго порядка извнѣ и внутри. Ихъ приняли очень дурно. Сенаторы не знали, на что рѣшиться. Одни говорили, что „дѣло кончено, надо поскорѣе разѣзжаться и принять мѣры къ тому, чтобы непріятель не узналъ о нашихъ несогласіяхъ“, другіе же (въ томъ числѣ большая часть ени-

¹⁾ *Акты, отн. къ ист. 3. Россіи*, III, 171.

скоповъ и вся Литва), указывая на одинъ изъ статутовъ Сигизмунда I, держались противнаго мнѣнія: „выборы законны даже тогда, когда присутствуетъ нѣсколько человекъ; они не имѣли права бросать дѣло, ничего не сдѣлавъ; выборы можно произвести и безъ нихъ“. Вокругъ сенаторовъ, засѣдавшихъ въ креслахъ, по обыкновенію, толпилась шляхта, тоже принимавшая живое участіе въ преніяхъ.

Въ самый разгаръ преній раздались звуки трубъ и литавръ. Мимо сената проѣзжалъ великолѣпный кортежъ Гурки, воеводы познанскаго, одного изъ начальниковъ противной партіи. Шляхта, бросивъ политику на самомъ интересномъ мѣстѣ, выбѣжала поглазѣть на нарядный выѣздъ. Въ зданіи сената ¹⁾ остались одни только *patres conscripti*. Ходкевичъ не выдержалъ. Его поразило легкомысленное поведеніе шляхты и онъ громко высказывалъ свое неудовольствіе ²⁾.

Слѣдующій избирательный сеймъ былъ назначенъ на 7-е ноября того же года (1575), въ Варшавѣ. Хаосъ, господствовавшій на этомъ сеймѣ, если можно, превосходилъ беспорядочность предыдущаго. Это объясняется отчасти тѣмъ, что сеймъ засѣдалъ въ мѣстности, гдѣ преобладала мелкопомѣстная шляхта. „Гулъ стоялъ неимоверный“, говоритъ Гейденштейнъ; „случалось ли кому-нибудь сказать слово, угодное шляхтѣ — въ ближайшихъ рядахъ тотчасъ раздавались одобрительныя восклицанія; стоявшіе нѣсколько далѣе, не зная въ чемъ дѣло, кричали еще громче; за ними кричали всѣ“ ³⁾.

Впрочемъ, не смотря на хаосъ, симпатіи къ Москвѣ и на этомъ сеймѣ высказались съ такою же ясностью, какъ и на предыдущемъ. На встрѣчу московскому гонцу шляхта выслала десять человекъ изъ своей среды—честъ, которой не удостоился ни одинъ изъ иностранныхъ пословъ, пріѣхавшихъ на сеймъ. Поступокъ этотъ сильно порицался въ сенатѣ ⁴⁾.

Литвины пріѣхали почти въ прежнемъ составѣ. Изъ русскихъ воеводствъ недоставало очень многихъ. Воевода кievскій, князь Константинъ Острожскій, увѣдомилъ сеймъ, что съ часу на часъ надо ожидать новаго нападенія Татаръ. „Въ такую опасную минуту“, писалъ онъ,—„я не могу удалиться отъ границъ; объ этомъ же про-

¹⁾ Простой деревянный балаганъ или наметъ, стропившійся только для одного сейма.

²⁾ *Orszelski*, II, 160.

³⁾ *Heidenstein*, I, 206.

⁴⁾ *Heidenstein*, I, 188; *Orszelski*, II, 212.

ситъ меня и волынская шляхта". Не имѣя такимъ образомъ возможности лично прибыть на варшавскій сеймъ, князь Острожскій обращается къ нему съ просьбой позаботиться о защитѣ Кіева и русскихъ воеводствъ. Русская шляхта просила даже вовсе отложить выборы и сосредоточить все вниманіе на защитѣ границъ ¹⁾. Русь, только что разоренная Татарами, проклинала своихъ „милыхъ братьевъ" Поляковъ за то, что, отдѣливъ ее отъ Литвы, они не позаботились объ ея безопасности ²⁾.

На этомъ сеймѣ, точно также какъ и на предыдущемъ, никакъ не могли прійти къ вождебному единогласію. Одни избрали королемъ Польскимъ императора Максимилиана, другіе совершенно случайно остановились на Баторіѣ. Еслибы на московскомъ престолѣ сидѣлъ не Иванъ Грозный, то шансы избранія, по всей вѣроятности, были бы въ пользу московской кандидатуры. Но въ Польшѣ знали, что въ это время велись между Москвою и императоромъ какіе-то переговоры и очень могло случиться, что не явись скорѣ Баторіѣ, ко множеству политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Иваномъ Грознымъ, присоединилась бы еще одна ошибка—тѣсный союзъ съ императоромъ противъ Польши. Чтобы остановить Ивана Грознаго, Ходкевичъ и Радзивиль, въ началѣ сейма относившіеся враждебно къ московской кандидатурѣ, начали теперь высказывать особенную предупредительность. Ходкевичъ принялъ съ большимъ почтеніемъ царскую грамоту изъ рукъ Новосильцева и сталъ увѣрять, что еслибы эти грамоты были присланы рапѣе, то непременно выбрали бы по царской мысли. „Напрасно требовали вы, говорилъ Ходкевичъ, опасныхъ грамотъ для великихъ пословъ. Паны нарочно волочатъ дѣломъ и печатей не даютъ. А къ опасной грамотѣ надо всѣмъ печати приложить. За тѣмъ держимъ царскаго посла, что думаемъ какъ бы Максимилианъ не отказался. Лихи выбираютъ Обатуру (Баторіа) и насъ на то же подговариваютъ. А я царю-государю радъ служить всей душой. Только бы государь вольностей у насъ не отнялъ". Ту же пѣсню пѣлъ Новосильцеву и воевода Виленскій Николай Радзивиль. Правду высказалъ Новосильцеву только шляхтичъ Голубъ: „Паны за посулы выбрали цесаря и Обатуру, а рыцарство, всею землей, ихъ не хочетъ, а хочетъ царя; паны-радные увязли въ посулахъ и сами не знаютъ какъ быть" ³⁾.

¹⁾ *Heidenstein*, I, 188.

²⁾ *Orszelski*, II, 180.

³⁾ *Соловьев*, VI, 332—345.

Въ то время, когда Янъ Ходкевичъ увѣрялъ Московскаго посла, что онъ всею душой радъ служить Московскому царю, по его распоряженію принимали мѣры къ защитѣ отъ Москвы. Изъ переписки видно, что въ Литвѣ дѣйательно занимались отливкой новыхъ пушекъ ¹⁾; кромѣ того, кое-что дѣлалось для защиты Инфлянтъ ²⁾. Но и Иванъ Грозный, съ своей стороны, тоже держится двойной политики. Послушавшись совѣтовъ Ходкевича, онъ посылаетъ 28 января 1576 года двѣ грамоты: въ одной — къ Полякамъ — онъ совѣтуетъ избрать въ польскіе короли эрцгерцога Эрнеста; въ другой же — къ панамъ-радамъ литовскимъ — онъ предлагаетъ на литовскій престолъ или себя, или своего сына ³⁾; но въ то же время московское войско завладѣваетъ многими лифляндскими замками и городами и Иванъ Грозный въ видѣ московскаго лена отдаетъ ихъ Магнусу, брату датскаго короля и мужу своей племянницы, дочери Владиміра Андреевича Старицаго, казненнаго за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ ⁴⁾.

Короче, обѣ стороны хотѣли обмануть другъ друга и обѣ обманулись въ расчетахъ. Если бы Ходкевичъ и Радзивилъ не увѣрили Ивана Грознаго въ своей преданности, то надо полагать, что дѣйствія его въ Инфлянтахъ были бы гораздо рѣшительнѣе. Слѣдовательно, отчасти они достигли своей цѣли. Но можно думать, что Ходкевичъ и Радзивилъ, кокетничая съ московскими гонцами, надѣялись гораздо лучше усыпить московскаго царя, чѣмъ это удалось имъ на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ Рук. И. П. В., F, 186, польск. письма 12 и 23 генв. 1576.

²⁾ Р. И. П. В., F, 182, польск. письма. 7 севр. 1576.

³⁾ *Литонисъ занятій археографической комисіи*, 1871, вып. 5. Хронологическая опись историческихъ документовъ Несвижскаго архива.

⁴⁾ Orszelski, II, 166; Heidenstein, I, 181.